

Братская Жизнь

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

О ВОЗРОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Вып. II

Цементъ

Цѣна выпуска 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.
1910.

Содержаніе.

БРАТСКАЯ ЖИЗНЬ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

О ВОЗРОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Выпускъ II. **ЦЕМЕНТЪ.**

Воистину воскресе!

...Если пшеничное зёрно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода.
Ев. Іоанна гл. XII, ст. 24.

Онъ распятъ, мертвъ!.. Твердили имъ, —
Не ожидайте, не возстанетъ!
Изъ черныхъ тучъ, лучемъ живымъ
Вамъ Солнце Ваше не проглянетъ!..
И очи въ землю опустивъ,
Они, прискорбные, молчали, —
Хотѣли крикнуть, — нѣтъ, Онъ живъ! —
И сомнѣвались, и не знали;
„Опять увидите Меня!"
Когда и гдѣ? Не въ день-ли судный?
Что значатъ въ вѣчности „три дня?"
Гдѣ срокъ дня смерти непробудной?..
И неба ясная лазурь
Сіяла имъ, но безъ отвѣта...
Куда средь бѣдствій и средь бурь
Направить путь, — кто знаетъ это?
Увы! И Онъ твердилъ не разъ,
Что лютой тьмы настало время...

— О Кто въ нуждѣ утѣшитъ насъ, —
Кто на плечахъ поддержитъ бремя? —

Хвала! Ликуйте! Онъ воскресъ, —
Онъ громко, ангеловъ устами,
Побѣду возвѣстилъ небесъ
И презрѣлъ смерти пеленами...
Онъ живъ, — Онъ съ нами говорилъ
Въ саду невдалекѣ отъ гроба;
Всевышній Правду воскресилъ,
Что-бъ унялась коварныхъ злоба;
Безсильна смерть и навсегда;
Исчезла тьма; ничто кручина;
Сюда, Апостолы, сюда!
Онъ живъ, — Отецъ прославилъ Сына...

И слыша Мѵроносицъ кликъ;
Притечь ко гробу торопился
Апостолъ, другъ и ученикъ...
Но Онъ уже прошелъ, и скрылся...
И, вскорѣ, нѣкіе отъ нихъ,
Еще скорбя, не вѣря женамъ,
Шли повидать друзей своихъ...
И Онъ явился утружденнымъ;
И не признали въ немъ Христа;
Но человѣка въ Духа силѣ
Была люба ты высота,
И съ нимъ открыто говорили,
И горько плакались Ему...
И Онъ, въ отвѣтъ на ихъ рыданья,
Напомнилъ имъ какъ быть всему,
Что предрекалось отъ писанья,
И толковалъ имъ всѣ слова,
Что темно сказаны въ пророкахъ
О томъ, что истина жива...

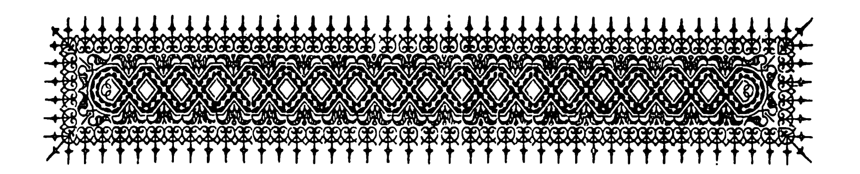
И власть была въ Его урокахъ;
И понемногу въ ихъ умы
Внѣдрялась крѣпость убѣжденья,
И такъ, среди вечерней тьмы
Вступили съ Господомъ въ селенье;
И Онъ за трапезу возлегъ,
И хлѣбъ имъ подалъ преломленный
И очи имъ открылъ, какъ Богъ,
Какъ духъ въ земное облеченный;
И стала имъ ясна въ тотъ часъ
Безсмертной истины побѣда:
О, не горѣло-ль сердце въ насъ
Когда лилась его бесѣда?!

И вотъ, опять, — когда изнывъ
Тоской, одиннадцать сидѣли, —
Онъ въ сонмѣ ихъ явился, живъ,
И во плоти Его узрѣли;
И онъ, склонясь, межъ ними сѣлъ,
И ободрилъ ихъ какъ бывало,
И хлѣбъ и рыбу съ ними ѣлъ,
Чтобъ тайна ихъ не ужасала, —
И повелѣлъ имъ въ міръ идти,
На скорпіоновъ наступая,
И змѣй брать въ руки на пути,
Злымъ ядомъ ихъ пренебрегая, —
Да видитъ міръ, какъ Духъ Святой
Въ сердцахъ горящихъ обитаетъ,
Какъ на погибель силы злой,
Добро всю мощь свою являетъ...
Что здѣсь осудите, — Онъ рекъ, —
Что въ дальнихъ свяжете навѣки, —
И тамъ, горѣ, осудитъ Богъ
Въ необновленномъ человѣкѣ!
А что развяжете вы здѣсь, —

Получитъ и горѣ свободу!
Идите-жъ, бодрствуйте, вы днесь
Свѣтъ міру, благодать народу!
И далъ имъ миръ свой... И подъятъ
На облакъ, блескомъ несказаннымъ
Внезапно поразилъ ихъ взглядъ...
И взрѣялъ къ небесамъ желаннымъ...
И окомъ благостнымъ съ Небесъ
Приникъ на мира обновленье...
Осанна въ Вышнихъ! Онъ воскресъ,
И въ насъ — Его благоволенье...

Воскресъ!.. Что скажешь Іудей,
Для истины закрывшій очи?
Иль правды блескъ въ душѣ твоей
Не разогналъ упорной ночи?
Воскресъ?.. И падаетъ кумиръ,
Вотще язычниками чтивый...
Воскресъ!.. И озаряетъ міръ
Великій свѣтъ, дотоль незримый...
Воскресъ!.. Не тягостны рабу
Оковы въѣвшіяся въ руки...
Воскресъ!... Не ропщетъ на судьбу
Безвинно претерпѣвшій муки...
Воскресъ!.. И рабъ освобожденъ,
И господинъ призналъ въ немъ брата,
Воскресъ!.. И правдой устыженъ,
Кому за ложь звенѣла плата...
Воскресъ!.. И гдѣ въ людской крови
Купалась гордыхъ злая сила, —
Святая заповѣдь любви
Благоволенье поселила...

Федоръ Аксаковъ.

Сила созидающая и животворящая.

Борьба, захватъ, насиліе, торжество сильнѣйшаго, — вотъ лозунги современной жизни.

Борьбой обрѣтешь свое право, захватомъ, перемѣщеніемъ цѣнностей, разгромомъ чужого достоянія можетъ быть достигнуто благоденствіе большинства. Такъ еще недавно писали и говорили просвѣтители и руководители толпы. Благотворность такихъ средствъ и орудій прогресса считалась аксіомой; объ этомъ не спорили; это было объектомъ вѣры значительной группы интеллигенціи и, „ничтоже сумняшеся", эти понятія, эти правила вносились ею и въ школы, и въ народныя массы.

Отъ разрушенія, отъ братоубійственной борьбы, отъ насильственнаго захвата и перемѣщенія, накопленныхъ другими, цѣнностей, ждали великихъ благъ и общаго благоденствія. Отъ нихъ ожидались: и широкій подъемъ экономическаго благосостоянія, и увеличеніе политической и гражданской свободы, и сокращеніе непосильнаго, якобы, труда недостаточныхъ классовъ, и пріобщеніе ихъ къ свѣту знаній и въ дали пылкая фантазія рисовала многимъ, уже что-то въ родѣ „молочныхъ рѣкъ съ кисельными берегами".

Но надежды на магическую силу борьбы не оправдались. Путь разрушенія, какъ стало теперь оче-

видно для всѣхъ, безъ предвзятыхъ идей—сознательно относящихся къ дѣйствительности,—не привелъ ни къ широкому подъему благосостоянія, ни къ увеличенію истинной свободы, ни къ счастію большинства, а привелъ лишь къ горшимъ бѣдамъ, къ паденію жизни во всѣхъ ея областяхъ.

Великія блага, которыя такъ щедро сулили толпѣ просвѣтители, очевидно, создаются иными путями и иными средствами и прежде всего требуютъ упорной и мирной работы, а не словъ и обѣщаній, хотя бы и самыхъ новыхъ и чарующихъ.

Но, могутъ намъ сказать, обѣщанные результаты не были достигнуты потому лишь, что движеніе было остановлено и борьба не была доведена до конца. Такое утвержденіе, однако, было бы совершенно бездоказательно. Вѣдь ожиданіе успѣха отъ насильственной борьбы, собственно говоря, и не было на чемъ либо обосновано. Просто ждали и вѣрили почему то, что послѣ разрушенія само собой должно вырасти что то новое, живое и здоровое. Но вѣдь это можно было предполагать, только не справляясь съ исторіей и имѣя ложныя представленія о складѣ жизни нашихъ западныхъ сосѣдей. Такъ французская революція, напримѣръ, которая тоже пыталась путемъ насилія и разрушенія водворить въ странѣ блага свободы, равенства и братства, далеко не оправдала надеждъ своихъ вдохновителей. Потоки крови, уничтоженіе высшихъ классовъ, перемѣщеніе цѣнностей изъ однѣхъ рукъ въ другія—привели лишь къ двумъ насильственно-водворившимся имперіямъ, къ безплоднымъ войнамъ, къ цѣлому ряду государственныхъ переворотовъ и наконецъ къ современной капиталистической республикѣ, далеко неидеальной, оставивъ неимущіе классы въ столь же незавидномъ положеніи, какъ то было и ранѣе.

Если разрушающая сила, берущая свое начало въ пресловутомъ законѣ „борьбы за существованіе" и устраняетъ порой какія-либо стѣсняющія препятствія и нѣкоторыя язвы жизни, создавшіяся тоже путемъ насилія, то слѣдуетъ помнить, что, разрушая что-либо вредное, эта стихійная сила губитъ въ то же время и здоровые устои жизни и потому примѣненіе ея приноситъ неизмѣримо болѣе вреда, чѣмъ пользы. Своекорыстныя стремленія, исходящія изъ того же закона животной жизни равнымъ образомъ, хотя и являются крупнымъ факторомъ жизни экономической, но, содѣйствуя промышленному росту страны, они ни мало не ведутъ къ правильному распредѣленію продуктовъ производства, а увеличиваютъ лишь экономическое неравенство. Пора поэтому обратить вниманіе на то, что значеніе этихъ силъ и стремленій было за послѣдніе годы чрезмѣрно преувеличено. Въ дѣйствительности онѣ не охватываютъ глубину жизненной эволюціи, а являются только отдѣльными ея двигателями. Здоровый же ростъ самой жизни, ростъ блага во всей его совокупности развивается подъ вліяніемъ иной силы, которая охватываетъ самую сущность жизни. Въ виду указанной переоцѣнки факторовъ борьбы и своекорыстія, сила эта была, однако, или совсѣмъ отвергаема или же отодвигалась далеко на задній планъ, какъ факторъ второстепенный и не отвѣчающій практическимъ требованіямъ жизни. Поэтому особенно необходимо въ настоящее время обратить вниманіе на эту созидающую и животворящую силу, возстановить ея попранныя права, дать ея анализъ и указать истинный ея первоисточникъ. Содѣйствовать этому по мѣрѣ силъ и является задачей настоящей статьи.

Что же это за сила? спросятъ насъ. Сила эта— первоисточникъ самой жизни — любовь.

Разнообразіе явленій природы, какъ мы знаемъ, приводитъ къ представленію о различныхъ силахъ, какъ ихъ причинахъ. Наблюдая ряды явленій, указывающихъ на цѣльность и порядокъ всего мірозданія, наука объединяетъ ихъ въ представленіе о силѣ всеобщаго тяготѣнія.

Усматривая въ мірѣ органическомъ рядъ явленій, указывающихъ на неизмѣнное стремленіе клѣточекъ, составляющихъ организмы, къ объединенію, сцѣпленію и охраненію образовавшейся цѣльности, на тяготѣніе къ какому то идеальному образцу, по плану котораго организмъ стремится построиться и наконецъ на влеченіе притянуть къ себѣ, усвоить изъ среды все необходимое для планомѣрнаго построенія, наука тоже пытается обобщить эти явленія и дать имя этой руководящей и объединяющей силѣ, называя ее, то жизненной силой, то психической энергіей, то просто жизнью.

Въ мірѣ живыхъ существъ, среди особей нѣкоторыхъ породъ мы встрѣчаемся тоже съ явленіями, указывающими на стремленіе ихъ къ единенію, на существованіе извѣстной симпатіи побуждающей ихъ къ стадной жизни, а у нѣкоторыхъ породъ и къ устройству общежитій. Въ человѣческихъ группахъ упомянутыя стремленія проявляются значительно сильнѣе и болѣе опредѣленно. Съ первыхъ же ступеней развитія сила взаимнаго психическаго тяготѣнія и симпатіи приводитъ ихъ къ совмѣстной жизни и затѣмъ постепенно къ образованію общественныхъ союзовъ. Въ разныя эпохи, въ различные моменты человѣческаго развитія эта сила проявлялась съ большею или меньшею напряженностью, охватывала малыя или обширныя группы людей, проявлялась въ ихъ частныхъ отношеніяхъ и въ общественной жизни—и вездѣ она вносила въ объединяемыя

ею группы животворящій духъ, связывала ихъ въ одно живое цѣлое, служила цементомъ строющагося общественнаго организма, содѣйствовала его здоровому росту и несла съ собой элементы мира и радости.

Высшей степени напряженности и глубины эта сила достигаетъ въ жизни обществъ, основанныхъ на устояхъ христіанскаго ученія, конечно, въ эпохи его искренняго примѣненія. Та степень взаимной симпатіи и любви, которая приводитъ къ сознанію горестей и радостей ближняго, какъ своихъ собственныхъ, и влечетъ жизнь свою полагать за братьевъ, естественно въ своемъ реальномъ развитіи должна приводить человѣческія общества къ наивысшему единству, къ наивысшей формѣ жизни.

Указывая на присутствіе связующей силы, дѣйствующей какъ въ мірѣ неорганической природы, такъ и въ мірѣ органическомъ, проводя эту силу, такъ сказать, со ступеней мертвой природы по ступенямъ жизни: животной, душевной и наконецъ духовной, мы конечно далеки отъ мысли о качественной ихъ однородности или одноцѣнности, мы только желали установить тотъ фактъ, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ бы мы не отмѣчали проявленія связующей силы, мы имѣемъ дѣло съ силой одинаково реальной, поддающейся наблюденію, и значеніе которой для насъ всегда понятно.

Конечно, какъ въ неорганической природѣ, наряду съ силой тяготѣнія, дѣйствующей въ направленіи объединенія и цѣльности, проявляютъ себя и силы, ведущія къ разрыву и дробленію; такъ и въ животномъ мірѣ и въ человѣческихъ обществахъ, наряду съ чувствомъ симпатіи, общественнымъ чувствомъ и любовью, дѣйствуютъ начала зависти, злобы и своекорыстія раздѣляющія живыя существа, дѣлающія ихъ врагами, ведущія къ борьбѣ и къ взаимному уни-

чтоженію. Въ жизни животной—звѣриной послѣднія начала преобладаютъ надъ первыми, въ жизни же человѣческой по мѣрѣ ея планомѣрнаго развитія берутъ перевѣсъ первыя и сила психическаго тяготѣнія, является главной руководящей силой, основой общественности и главнымъ двигателемъ прогресса жизни.

Эту созидающую и животворяющую силу, въ ея проявленіи въ жизни человѣческихъ обществъ, наука называетъ, какъ мы знаемъ, *альтруизмомъ*, а христіанство именуетъ *любовью*.

Какъ наука, такъ и религіозное христіанское ученіе имѣютъ въ виду одну и ту же реально существующую силу, но охватываютъ ее далеко не въ одной плоскости. Понятіе, именуемое альтруизмомъ, является высшимъ понятіемъ, до котораго могла въ настоящее время доработаться мысль человѣческая, независимая отъ истинъ, полученныхъ путемъ откровенія. Человѣку дано понимать явленія неполно, отчасти только, и понятіе, съ которымъ Контъ связалъ названіе альтруизма, охватываетъ въ сущности не самую силу любви, а лишь основы, на которыхъ она выростаетъ до полнаго своего значенія. Понятіе альтруизма беретъ свое содержаніе въ животной природѣ человѣка, обосновывается на наблюденіи его естественныхъ стремленій и наклонностей и охватываетъ лишь психологическую почву, на которой можетъ вырасти дѣйствительная любовь, т. е. та сила, которая должна служить основой истинно человѣческой культуры. Понятіе это создалось, отчасти, къ тому же лишь какъ нѣчто противополагаемое эгоизму и является, какъ бы его метаморфозой. Любовь же, какъ ее понимаетъ христіанское ученіе, хотя и имѣетъ своимъ основаніемъ ту же почву т. е. естественныя стремленія и наклонности человѣка, но возвышается до иного источника изъ котораго черпаетъ свою силу и имѣетъ

поэтому иное высшее содержаніе. Она развивается не какъ душевное начало только, а какъ сила духовная, исходящая отъ Бога. Своими свойствами и существованіемъ она обязана исключительно тому, что самъ Богъ есть любовь.

Въ природѣ человѣка существуютъ только побужденія къ общенію и усвоенію, ростъ же этого побужденія и его расцвѣтъ до могучей, созидающей и животворящей силы возможенъ только при общеніи съ самымъ источникомъ вѣчной любви — Богомъ. Общеніе это и даетъ начало той высшей божественной жизни, которая христіанствомъ именуется—вѣчной жизнью.

Напрасно думаютъ, что представленіе о помянутой высшей формѣ жизни — о жизни божественной получается только путемъ вѣры и почерпается только изъ ученія христіанскаго. Кто испыталъ когда-либо передъ звѣзднымъ ли небомъ или въ храмѣ на молитвѣ минуты духовнаго озаренія, т. е. ощущалъ въ себѣ Бога, кто чувствовалъ необычайный приливъ силъ и глубокій покой послѣ совершенія какого-либо подвига, кто бывалъ охваченъ горячей любовью къ ближнимъ до самозабвенія, тотъ уже предвкушалъ радости этой божественной жизни и убѣжденъ въ ея реальномъ бытіи и значеніи.

Наблюдаемыя нами проявленія жизни растительной, животной и даже проявленія жизни человѣка, какъ существа, одареннаго разумомъ, чувствомъ и волей, пока онъ живетъ повседневной, неодухотворенной любовью жизнью, суть только попытки къ истинной и полной жизни. Время уноситъ эти преходящія проявленія ея и ихъ вѣчно сторожитъ смерть.

Полная же — совершенная жизнь — это только жизнь Божья, а Богъ есть Любовь. Изъ этого то вѣчнаго источника любви берутъ начало всѣ жизни

и къ ней опять стремятся. Стремленіе человѣка къ этой божественной жизни—естественно, т. к. въ ней только онъ можетъ быть удовлетворенъ въ лучшихъ своихъ чаяніяхъ и получить отвѣтъ на высшіе свои запросы.

Только съ минуты, когда въ существѣ человѣка возгорается впервые искра божественной любви, только послѣ такого крещенія духомъ, начинаетъ онъ жить истинно человѣческою жизнью — жизнью одухотворенной, непреходящей и вѣчной.

Но, скажутъ намъ, это метафизика, мистика, сентиментализмъ какой-то, а не плодъ реальныхъ наблюденій! Положимъ, это не метафизика, но болѣе, чѣмъ метафизика, это дары откровенія. Это однако не устраняетъ возможность опытной провѣрки этой великой силы. Она не есть сентиментальная эмоція только, не чувственное влеченіе, а реальная сила, призванная руководить человѣческой жизнью — сама жизнь. Проявленія ея поддаются наблюденію; и фактовъ, на которыхъ можетъ быть провѣрено ея значеніе — нѣтъ числа.

Все великое, все сильное и истинно живое создается любовью, такъ какъ куда бы она не направлялась, она прежде всего возносится къ своему вѣчному источнику, питается отъ него и затѣмъ вноситъ въ окружающую жизнь вѣчныя его начала. Возьмемъ напримѣръ трудъ; трудъ наемниковъ, поденщиковъ не создаетъ ничего истинно живого; живое, вѣчное, истинно полезное вноситъ въ жизнь только трудъ одухотворенный любовью. Человѣкъ, любящій свой трудъ, любитъ, хотя иногда и не сознавая того, — Бога, и трудъ его спорится, а ему даетъ духовное удовлетвореніе; будь то трудъ общественнаго дѣятеля или лишь добросовѣстная работа ремесленника. Любовь къ правдѣ и истинѣ руководитъ ученымъ, стремящимся

къ научнымъ открытіямъ и неустанно трудящимся до самой смерти и случалось видѣть какъ сѣдая голова ученаго склонялась надъ книгой въ надеждѣ почерпнуть лишнюю крупицу знаній за нѣсколько мгновеній до кончины. Любовь къ прекрасному заставляетъ художника неутомимо работать, забывая часто свои насущныя нужды, чтобы создать, что-либо истинно прекрасное; и только при такомъ отношеніи къ творчеству создаются великія произведенія искусства. Врачъ психіатръ отдается своему дѣлу и дѣлаетъ свои лучшія излѣченія подъ вліяніемъ высокаго сострадания. Подъ вліяніемъ животворнаго чувства любви къ страдающимъ людямъ онъ проявляетъ геніальную чуткость и мягкость къ паціентамъ и распространяетъ успокаивающее свое воздѣйствіе даже на окружающихъ близкихъ больного. Наемникъ, дѣйствующій подъ вліяніемъ своекорыстія, этого сдѣлать не можетъ. Общественный дѣятель, работающій для окружающаго населенія, вдохновленный состраданіемъ и любовью, работаетъ горячо, не жалѣя силъ; тѣсныя рамки его личныхъ интересовъ падаютъ и въ сферу его сознанія входятъ интересы многихъ тысячъ людей, какъ его собственные, и онъ живетъ уже не одною своею жизнью, а радостями и печалями другихъ, которые вошли въ кругъ его сознанія и стали какъ бы частью его личности; это дѣлаетъ его особенно сильнымъ, а дѣлу придаетъ прочность и жизненность. Сознавать и любить ближняго, какъ самого себя, не такъ уже трудно и человѣкъ, испытавшій это чувство, не въ силахъ уже нести скуку эгоистическаго одиночества.

Каково животворное вліяніе любви, мы равнымъ образомъ видимъ ежедневно и въ сферѣ нашей обыденной жизни. Попадаемъ ли мы, напримѣръ, въ семью, т. е. въ группу людей, связанныхъ узами родства,

живущихъ вмѣстѣ, и вотъ если эту группу не объединяетъ чувство любви, то вась поражаетъ мертвенность, скука и безсиліе этого общежитія; холодные взгляды, блѣдныя лица, отсутствіе оживленія отталкиваютъ даже посторонняго; но представьте себѣ, что вамъ, почему либо, удалось внести миръ въ эту семью, возбудить взаимную любовь среди этой же группы людей и вы увидите, какъ тѣ же люди вдругъ оживутъ, почувствуютъ приливъ силъ и радости, глаза ихъ заблистаютъ, голосъ смягчится, и они не только сами почувствуютъ приливъ силъ и духовной радости, но будутъ въ состояніи даже дѣлиться ея избыткомъ съ другими. Приходится ли намъ посѣтить какое-либо учебное заведеніе, гдѣ между преподавателемъ и учениками нѣтъ связующей симпатіи и взаимнаго пониманія. Мы видимъ, что преподаватель несетъ свои обязанности какъ бремя, преподаваніе его мертво, видъ учениковъ наводитъ на него тоску, ученики въ свою очередь стараются обмануть его, ненавидятъ его, насмѣхаются надъ нимъ; но представьте себѣ, что тотъ же преподаватель полонъ любви къ дѣлу, пользуется расположеніемъ учениковъ и вотъ вся картина преображается: преподаваніе идетъ успѣшно, учитель радуется, благодарное чувство учащихся согрѣваетъ его и каждое его слово идетъ на пользу дѣла.

Таково воздѣйствіе того минимума любви, безъ котораго жизнь тюрьма, пустыня; той любви, которая не требуетъ особыхъ жертвъ и подвиговъ. Вѣдь не такъ уже трудно любить свободно избранный трудъ, не такъ трудно изъ узкой скорлупы эгоизма вылѣзть на нѣкоторый просторъ, внести въ свое сознаніе и красоты природы, и прелесть искусства, и богатство знаній, и радости и горести ближнихъ, удѣляя имъ избытокъ силъ и душевныхъ богатствъ.

Къ этому склоняетъ насъ, казалось бы, сама разумная экономія психическихъ силъ нашихъ. Вѣдь пустоту душевную заполнить такъ трудно; нужно много жизненныхъ успѣховъ, чувственныхъ наслажденій и всякаго нездороваго веселья, чтобы хотя на время только заглушить тоску неудовлетворенной одинокой души.

Сказанное относится къ обычной, такъ сказать, житейской любви; неизмѣримо высшую силу имѣетъ любовь совершенная—та любовь, которую какъ „заповѣдь новую" оставилъ намъ Божественный учитель Іисусъ Христосъ. Любовь эта требуетъ подражанія тому, кто принялъ страданія и смерть за людей. „Любите другъ друга, какъ я возлюбилъ Васъ" [1]), заповѣдалъ Христосъ, „не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною" [2]). „Мы должны души полагать за братьевъ" [3]) потому, что „Богъ есть любовь и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ" [4]) и „Кто не любитъ, тотъ не знаетъ Бога, потому что Богъ есть любовь" [5]). „Любовь отъ Бога и всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога" [6]). „Мы перешли изъ смерти въ жизнь потому, что любимъ братьевъ, не любящій брата пребываетъ въ смерти" [7]), а „Кто любитъ брата своего, тотъ пребываетъ въ свѣтѣ и нѣтъ въ немъ соблазна"... [8]), такія чудныя слова и строки о любви разсѣяны въ I соб. посл. Ап. Іоанна, любимаго ученика Христа. Чудную характеристику любви даетъ

[1]) Ев. отъ Іоанна гл. XIII, ст. 34.
[2]) Соб. посл. Ап. Іоанна гл. III, ст. 18.
[3]) Соб. посл. Ап. Іоанна гл. III, ст. 16.
[4]) 1 посланіе Ап. Іоанна гл. IV, ст. 16.
[5]) 1 посл. Ап. Іоанна, гл. IV, ст. 8.
[6]) 1 посл. Ап. Іоанна, гл. IV, ст. 7.
[7]) 1 посл. Ап. Іоанна, гл. III, ст. 14.
[8]) 1 посл. Ап. Іоанна, гл. II, ст. 10.

Ап. Павелъ въ главѣ XIII посл. къ Коринѳянамъ, которая можетъ быть поставлена по своему глубокому чарующему значенію рядомъ съ упомянутымъ соб. посл. Ап. Іоанна. „Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ; все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ“ [1]. Таковы свойства совершенной любви, которой учитъ христіанство. Всѣ самыя высшія проявленія жизни—даже вѣра и высшія знанія, безъ этой любви ничто. Любовь есть единственное, вѣчное неуничтожающееся содержаніе жизни. „Любовь никогда не перестанетъ, хотя и пророчества прекратятся и языки умолкнутъ“ [2]. „А теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше“ [3].

Таково ученіе о любви совершенной, изложенное словами Самого Христа и Его апостоловъ. Изложеніе это конечно не исчерпываетъ всего богатаго Евангельскаго источника, размѣры настоящей статьи этого не допускаютъ.

Отъ почвы естественныхъ наклонностей человѣка такая любовь подымается до подвига и въ высшемъ своемъ развитіи—до жертвъ, даже жизнью за братьевъ. Но какъ любовь, которую мы называли житейской, такъ и любовь совершенная питаются у одного источника, т. е. Божественнаго начала и въ то же время вполнѣ отвѣчаютъ естественнымъ стремленіямъ человѣка. „Иго мое благо и бремя мое легко“ — учитъ Христосъ и самыя высокія требованія любви не могутъ быть тяжестью непосильною.

---

[1]) Посл. Ап. Павла къ Коринѳ., гл. XIII.
[2]) Посл. Ап. Павла къ Коринѳ., гл. XIII.
[3]) Посл. Ап. Павла къ Коринѳ., гл. XIII, ст. 13.

Есть у подвига крылья.
И взлетишь ты на нихъ
Безъ труда, безъ усилья
Выше мраковъ земныхъ, —

пишетъ поэтъ-христіанинъ [1]). Боятся требованій ученія христіанской любви—нѣтъ основаній. Ученіе это требуетъ только того, что естественно для человѣка и что отвѣчаетъ истиннымъ потребностямъ его духа. Братолюбіе не трудный подвигъ, а естественное проявленіе торжествующей силы, дѣятельной любви. Организація жизни на основахъ любви и братства не несбыточная утопія, а форма жизни къ которой естественно стремится человѣчество и которая не разъ осуществлялась на землѣ и давала зрѣлище прекрасной, здоровой и радостной жизни. Примѣры такой жизни видѣли мы въ первые вѣка христіанства, видимъ мы ихъ и нынѣ тамъ, гдѣ люди воспитываются въ дисциплинѣ любви и дѣлаютъ серьезныя попытки обоснованія жизни на ея началахъ. Чуднымъ примѣромъ, живою притчей въ дѣлѣ построенія жизни на началахъ любви и сейчасъ можетъ служить для насъ мирный расцвѣтъ на югѣ Россіи (Черниг. губ.) Крестовоздвиженскаго Трудового Братства, основаннаго покойнымъ Н. Н. Неплюевымъ. Братство это, насчитывающее въ своей средѣ болѣе пятисотъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, уже многіе годы подъ сѣнью церкви живетъ на началахъ любви совершенной трудовою, вполнѣ нормальною и счастливою жизнью, явно доказывая тѣмъ, что Царство Божіе хотя отчасти достигается и въ этой, столь оклеветанной земной жизни. Философъ Ницше, назвавъ Христа великимъ неудачникомъ, поэтому только лишній разъ доказалъ свое безуміе. Будущее при-

[1]) А. С. Хомяковъ.

надлежитъ безспорно торжествующей силѣ любви, какъ ее понимаетъ христіанское ученіе. Пріобрѣтеніе этого единственнаго неуничтожающагося содержанія жизни и неустанная работа по организаціи условій, при которыхъ такое содержаніе стало бы доступнымъ для наибольшаго числа людей, должно быть главной задачей всѣхъ людей добра. „Достигайте любви“ [1]), учитъ Ап. Павелъ. Искра животворной силы любви дается свыше, но поддерживать и развивать ее является нашей обязанностью. Необходима поэтому живая и неустанная проповѣдь ученія любви.— Необходимъ постоянный практическій опытъ въ дѣлѣ ея созиданія, какъ въ личной жизни каждаго, такъ и въ жизни общественной. Содѣйствовать этому — обязанность школы, церкви и развивающихся подъ крыломъ послѣдней — братскихъ организацій. Божье дѣло не можетъ погибнуть и надо надѣяться, что дружная работа можетъ вернуть въ широкіе круги человѣческихъ обществъ ту могучую созидающую и животворящую силу, которая во времена апостольскія покорила гордый своею мудростію, могуществомъ и богатствомъ древній языческій міръ и склонила его къ ногамъ смиренныхъ рыбарей. Широкое практическое пользованіе этой реальной силой и внесеніе ея во всѣ сферы жизни дастъ ей могучій расцвѣтъ и докажетъ главенство ея въ дѣлѣ истиннаго прогресса.

Но отчего же міръ забылъ эту великую силу?— спросятъ насъ. Неужели этого могли достигнуть одни проповѣдники началъ борьбы и разрушенія, разные послѣдователи Маркса, Геккеля и Ницше. Нѣтъ! какъ не великъ вредъ наносимый разными лжеученіями и въ особенности ученіями атеистическими, они никогда не были бы въ состояніи одни затемнить

[1]) Посл. Ап. Павла къ Коринѳ. гл. XIV, ст. 1.

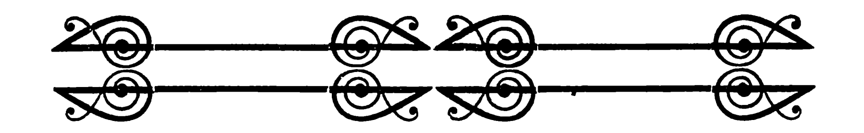
въ глазахъ людей значеніе животворящей силы любви и главное не могли бы остановить ея плодотворное преобладаніе, основанное на христіанскихъ началахъ, искренно и непрестанно вносимыхъ въ жизнь самими послѣдователями вѣры Христовой. Вѣру въ могущество и значеніе этой силы подорвали, главнымъ образомъ, лицемѣрные носители христіанскаго ученія, которые вѣруя во Христа перестали вѣрить Христу и допустили существованіе вѣры и всего обряда христіанскаго безъ осуществленія въ жизни завѣтовъ совершенной любви, такъ какъ эта сторона ученія казалась имъ неосуществимой. Пусть же такіе лицемѣры сбросятъ маску христіанской внѣшности. Кто не со Христомъ, кто не хочетъ слѣдовать его ученію, тотъ Его противникъ. Тотъ затемняетъ Его ликъ, роняетъ свѣтъ Его ученія и наноситъ страшный вредъ росту животворящей силѣ любви.

Одинъ святой, извѣстный своею безграничною любовью къ меньшой братіи [1]), въ молодые годы видѣлъ, говорятъ, видѣніе. Къ ложу его, когда онъ спалъ, подошла прекрасная дѣвушка въ бѣлой одеждѣ и въ вѣнкѣ изъ масличныхъ листьевъ и дотронулась перстами до его чела. „Кто ты? какъ смѣла войти сюда?—воскликнулъ пробудившійся юноша. „Я старшая дочь Великаго Царя“—сказала дѣвушка съ глубокимъ ласковымъ взоромъ; — „Если ты сдѣлаешь меня своей подругою, я испрошу тебѣ великую благодать и приведу тебя предъ лицо Царя, такъ какъ никто не имѣетъ у Него такой силы и дерзновенія, какъ я. Я та — продолжала она, которая свела Бога на землю и Онъ пострадалъ и отдалъ Свою жизнь за людей!“ Видѣніе исчезло и юноша догадался, что то была сама Божественная Любовь. И онъ пребылъ Ей вѣренъ до конца дней своихъ.

[1]) Іоаннъ Милостивый.

И сейчасъ, заканчивая мою статью, чудится мнѣ образъ этой прекрасной дѣвушки, которая протягиваетъ руки ко всѣмъ намъ маловѣрамъ и говоритъ: „Я старшая дочь Великаго Царя, я свела Его на землю для спасенія вашего. Зачѣмъ же пренебрегаете вы Мной? Зачѣмъ забыли Меня?... Зачѣмъ не хотите раздѣлить жизнь вашу со Мною?“...

Александръ Аксаковъ.

* * *

Благодарю тебя, о Боже,
Что Ты, съ небесъ меня призрѣвъ,
Мнѣ не высказываешь строже
Твой непреклонный правый гнѣвъ.

Твоей карающей десницы
Въ душѣ я чувствую больной
Не гнетъ, а милость безъ границы,
Столь незаслуженную мной.

Преградъ сердечному желанью
Мы часто видѣть не хотимъ,
Въ мечтѣ о счастьѣ быстрой ланью
Надъ бездной темною летимъ.

Какъ часто дно ея глубоко,
Но есть у пропасти крутой
Твое всевидящее око
Надъ нашей жалкой слѣпотой.

Море.

Рвешься ты къ свободѣ милой
Море каждою волной,
Подѣлись своею силой
И дыханіемъ со мной.

Грезу чудную одну я
Въ глубинѣ души таю,
Ей всю жизнь свою волнуя
Далеко, въ чужомъ краю.

Я твоимъ порывамъ внемлю,
Въ нихъ, не сдерживая страсть,
Покорить ты хочешь землю,
Чтобъ на грудь ея упасть.

Цѣлый міръ собой мятежно
Бурный валъ покрыть-бы радъ,
Но удѣлъ твой неизбѣжно
Оттолкнетъ тебя назадъ.

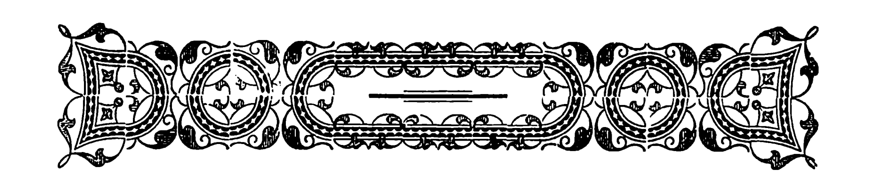
Какъ не грозенъ онъ, но вскорѣ
Къ предназначеннымъ часамъ
Все-же ты отступишь море,
Покоряясь небесамъ.

Ты, измѣнчивое, вѣчно
Между чарами луны
И землею, скоротечно
Дѣлишь плескъ своей волны.

Ты велико и красиво,
Мощь незримая боговъ
Оторветъ тебя ревниво
Отъ любимыхъ береговъ.

Ты, какъ греза дорогая,
Недоступная вдали,
Подходя и отбѣгая,
Ропщешь около земли.

Т. Мятлева.

Ученіе Геккеля въ его отношеніяхъ къ наукѣ и религіи.

Еще недалеко сравнительно то время, когда въ интеллигентныхъ кругахъ Западной Европы и у насъ въ Россіи замѣчался высокій интересъ къ позитивизму и философіи Ог. Конта. Но это направленіе мысли въ свое время встрѣтило рѣшительный отпоръ со стороны многихъ русскихъ философовъ и ученыхъ. Противъ позитивизма выступали такіе мыслители, какъ Влад. Соловьевъ и Бор. Чичеринъ. Писались критическія журнальныя статьи и цѣлыя сочиненія, посвященныя обсужденію позитивизма и религіи человѣчества. Говорили смѣло и рѣшительно. Такъ, напримѣръ, одна изъ рѣчей, произнесенныхъ на ученомъ собраніи однимъ профессоромъ математики, заканчивалась такими сильными словами; „позитивизмъ прикрывается именемъ науки и потому можетъ вредить ей, какъ вредитъ всякая ложь, проникающая въ умы подъ покровомъ истины“. Теперь уже Контъ забытъ. Но его мѣсто не осталось незанятымъ. Профессоръ Геккель изъ Іены съ своимъ монизмомъ занялъ или, по крайней мѣрѣ, стремится занять это мѣсто. И можно даже пожалуй сказать, что сочиненія Геккеля получаютъ гораздо болѣе широкое распространеніе, чѣмъ то было въ свое время съ сочиненіями Конта. Благодаря его популяризатор-

скому таланту, они глубже распространяются въ широкія и полуобразованныя массы. Переполненная возмутительными кощунствами книга „Міровыя Загадки“ переведена на разные языки и пользуется широкимъ распространеніемъ. Въ Англіи, напримѣръ, какъ говоритъ англійскій физикъ Оливеръ Лоджъ, авторъ книги: „Жизнь и Матерія“, — „Міровыя Загадки“ Геккеля можно купить за полшиллинга въ любой книжной лавкѣ. Но за то тамъ сейчасъ же встрѣтилась и надлежащая оцѣнка книгъ Геккеля, и своевременно данъ былъ имъ должный отпоръ со стороны научной мысли. Такой знаменитый ученый, каковымъ является Оливеръ Лоджъ, не побоялся смѣло сказать слѣдующее: „книги эти могутъ причинить зло неуравновѣшеннымъ и необразованнымъ читателямъ, имѣющимъ мало критической способности, если онѣ не будутъ сопровождаться соотвѣтствующимъ противоядіемъ и, главнымъ образомъ, противоядіемъ противъ изувѣрства нѣкоторыхъ главъ, посвященныхъ скороспѣлому разрушенію“ И это то противоядіе онъ и постарался дать въ своей прекрасной книгѣ: „Жизнь и Матерія“, въ которой онъ, опять-таки совершенно опредѣленно и ясно, обращается ко всякому, какъ онъ говоритъ, понятливому читателю, который считалъ бы христіанскую вѣру подорванной монизмомъ Геккеля, съ такими словами, перефразирующими изреченіе Рескина изъ Сезамъ и Лиліи: „не думайте имѣть когда-нибудь въ рукахъ трактатъ, въ которомъ была бы удачно провозглашена окончательная и крайняя Истина о Вселенной и гдѣ чистая истина была бы отдѣлена отъ ошибокъ. Не думайте, это не такъ“.

Въ Германіи также философія Геккеля встрѣтила себѣ рѣшительный отпоръ со стороны многихъ философовъ и ученыхъ. У насъ же въ Россіи книгъ Гек-

келя въ свое время появилось множество. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ „Міровыя Загадки", вышли даже во многихъ переводахъ и изданіяхъ. Что же касается критики на сочиненія Геккеля, то если и писалась она у насъ, то, по большей части, ей приходилось ютиться въ такихъ журналахъ и газетахъ, которые совсѣмъ не проникаютъ въ интеллигентныя массы. Но со стороны русскаго ученаго естествоиспытателя, кажется, не появилось ни одной популярной критической работы на русскомъ языкѣ. Правда, что извѣстный петербургскій профессоръ физики Хвольсонъ (въ своей книжкѣ: Hegel. Haeckel, Kossuth und Das Zwölfte Gebot) написалъ основательную и ѣдкую критику воззрѣній Геккеля, но онъ издалъ ее почему то на нѣмецкомъ языкѣ. За то другой профессоръ естественникъ, подъ редакціей коего былъ изданъ русскій переводъ книги „Міровыя Загадки", писалъ въ своемъ предисловіи къ этому переводу слѣдующее: „появленіе этой книги должно сыграть свою роль въ умственномъ развитіи нашей „широкой публики" Образованный человѣкъ долженъ познакомиться съ этой книгой". А въ отместку за отзывъ извѣстнаго нѣмецкаго философа Паульсена, сказавшаго, что онъ не могъ читать „Міровыхъ Загадокъ" безъ краски стыда, этотъ русскій профессоръ въ томъ же предисловіи говоритъ, что онъ точно такое же ощущеніе испытывалъ при чтеніи логическаго обоснованія „О трехъ ѵпостасяхъ" Владиміра Соловьева и что онъ былъ очень обрадованъ, найдя въ одной статьѣ профессора Овсянико-Куликовскаго сравненіе философіи Влад. Соловьева съ разсужденіями Кифы Мокіевича".

Въ своей книгѣ „Міровыя Загадки" Геккель заявляетъ, что надо покончить съ тѣмъ методомъ взаимныхъ уступокъ, благодаря которому кое-какъ удается

примирить науку съ религіей. „Мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ, говоритъ онъ, римскій папизмъ и ортодоксальныя направленія въ протестантствѣ, которыя нисколько не уступаютъ ему въ своемъ незнаніи дѣйствительности и проповѣдываніи нелѣпыхъ суевѣрій. Станемъ на точку зрѣнія либеральнаго пастора, который обладаетъ хорошимъ образованіемъ и наряду съ вѣрой признаетъ и права разума. Послушаемъ его проповѣдь. Наряду съ прекрасными нравственными поученіями, вполнѣ гармонирующими съ нашей монистической этикой, мы наталкиваемся здѣсь на представленія о Богѣ и мірѣ, о человѣкѣ и жизни, которыя находятся въ явномъ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, чему насъ учитъ опытъ естественныхъ наукъ".

При болѣе близкомъ разсмотрѣніи воззрѣній этого пастора можно найти въ нихъ, по мнѣнію Геккеля, три основныхъ ложныхъ догмата. Во-первыхъ, по этимъ воззрѣніямъ человѣкъ является центромъ и цѣлью всей земной жизни и даже всей вселенной. Во-вторыхъ, существованіе и сохраненіе міра объясняется божественнымъ твореніемъ и провидѣніемъ. Это твореніе представляется сходнымъ съ дѣйствіемъ инженеръ-механика, который сначала изобрѣтаетъ машину, а потомъ слѣдитъ за ней, предохраняя ее отъ порчи. „Господь Богъ" изображается совершенно по образу и подобію человѣка и въ то же время разсматривается сотворившимъ человѣка по Своему подобію. И наконецъ, въ третьихъ, человѣкъ, какъ существо, имѣющее божественное происхожденіе, заслуживаетъ особаго почитанія и преклоненія. Отсюда проистекаетъ вѣра въ безсмертіе души, такъ какъ человѣческая природа оказывается двойственной. Она состоитъ изъ матеріальнаго тѣла и духовной души, порожденной божественнымъ вдыханіемъ. Всѣ эти

догмы опираются, по мнѣнію Геккеля, на откровеніе, которое сверхъ-естественно и ничего не имѣетъ общаго ни съ опытомъ, ни съ наукой. Метафизики хотятъ въ этомъ отношеніи остановить науку и не позволяютъ ей категорически высказаться по поводу всего этого. Они говорятъ, что не ея дѣло заниматься рѣшеніемъ этихъ вопросовъ. Но это невѣрно. Пора наукѣ заняться обобщеніемъ добытыхъ ею опытныхъ знаній. Пора установить научную философію, которая указала бы господствующіе законы природы и которую можно было бы резюмировать въ двухъ словахъ: монизмъ и эволюцинизмъ. Бытіе едино, и всѣ существа суть, существа одной природы. Бытіе не неподвижно, оно измѣняется. Это измѣненіе чисто механическое; будучи подчинено постояннымъ законамъ, оно въ то же время служитъ источникомъ всего безконечнаго разнообразія существъ, которыя являются продуктомъ естественнаго творчества.

Взглядъ этой философіи діаметрально противоположенъ религіозному воззрѣнію по поводу трехъ указанныхъ раньше пунктовъ. Во-первыхъ человѣкъ вовсе не есть центръ вселенной, онъ—только звено безконечной цѣпи существъ. Во-вторыхъ, творчество не искусственно, но естественно. Въ третьихъ, безсмертія души нѣтъ, человѣкъ временное соединеніе атомовъ. Такимъ образомъ, заключенія науки оказываются діаметрально противоположными религіознымъ догмамъ, и просвѣщенный человѣкъ не можетъ отказаться здѣсь отъ рѣшительнаго выбора. Монистическая философія разрѣшаетъ этотъ конфликтъ въ пользу науки. Ученый человѣкъ долженъ понять то, что познаніе дается опытомъ и разсужденіемъ, откровеніе же есть дѣло вѣры, т. е.—чисто субъективно и не имѣетъ никакого объективнаго значенія. Ученый человѣкъ долженъ безусловно согласиться

съ заключеніями и выводами Ламарковъ и Дарвиновъ. Эти заключенія теперь уже не суть только умозрѣнія. Это теперь суть опытныя истины. Одни и тѣ же законы дѣйствуютъ и въ мірѣ животномъ, и въ мірѣ растительномъ, и въ мірѣ кристалловъ.

Но всѣ ли однако вопросы разрѣшила наука и не осталось ли чего-нибудь еще таинственнаго для нашего разума? Вѣдь если бы это было такъ, то могло бы, пожалуй, остаться мѣсто и для откровенія. Недавно еще Дюбуа Реймонъ призналъ 4 загадки неразрѣшимыми и сказалъ относительно ихъ свое знаменитое: ignorabimus. Но Геккель на это говоритъ, что вредно поддерживать тайны. Міръ для человѣка не имѣетъ больше тайнъ. Всѣ затрудненія происходили отъ того, что матерію считали аморфной и инертной, на самомъ же дѣлѣ это не неопредѣленная и пассивная субстанція. Это — субстанція одушевленная. Это одновременно и матерія, и духъ. И этотъ взглядъ, по мнѣнію Геккеля, нисколько не мистиченъ. Нѣтъ, онъ наученъ. Такое понятіе матеріи опирается, во-первыхъ, на законъ сохраненія матеріи Лавуазье и законъ сохраненія силы Майера и Гельмгольца и, во-вторыхъ, на единство этихъ двухъ законовъ, до котораго дошла наука. И все безконечное разнообразіе наблюдаемыхъ нами явленій, такихъ, напримѣръ, какъ страсть Париса къ Еленѣ или стремленіе сперматозоида войти въ зародышевое яйцо, или способность атомовъ водорода соединяться съ атомами кислорода, все это — выраженіе однихъ и тѣхъ же свойствъ матеріи. Геккель даже заявляетъ, что онъ согласно съ древнимъ Емпедокломъ признаетъ, что любовь и ненависть управляютъ элементами и что атомъ самъ по себѣ обладаетъ душевнымъ началомъ. На ряду съ вѣсомой матеріей наука признаетъ и невѣсомую матерію или эфиръ, который

вмѣстѣ съ вѣсомой матеріей представляетъ раздвоеніе одной и той же субстанціи. На вопросъ же о развитіи и происхожденіи вещей наука отвѣчаетъ однимъ магическимъ словомъ: эволюція. Существа происходятъ одни отъ другихъ. Если бы кто-нибудь спросилъ, откуда берется эволюція, то отвѣтъ былъ бы таковъ: эволюція неразрывно связана съ самой субстанціей, которая сама въ себѣ носитъ начало измѣненія и творенія. Нѣтъ Бога Творца, отличнаго отъ этой субстанціи. Субстанція есть Богъ, и научной концепціей является не теизмъ, а пантеизмъ. Такъ исчезаютъ въ глазахъ Геккеля предъ лицомъ науки мнимыя загадки о происхожденіи матеріи и силы, движенія и ощущенія. Что же касается вопроса о свободѣ воли, то его вовсе не существуетъ. Тысячи самыхъ разнообразнѣйшихъ побужденій и мотивовъ переполняютъ существующую въ дѣйствительности волю. Всѣ эти мотивы и побужденія вложены въ нее наслѣдственностью и ведутъ между собой борьбу, въ которой самый сильный мотивъ превозмогаетъ механически.

Загадки Дюбуа Реймона отнынѣ разрѣшимы, по мнѣнію Геккеля и, если есть гдѣ извѣстное, то оно кроется въ нѣдрахъ субстанціи. И вотъ Геккель, обѣщавшій раньше все свести къ непознаваемому, неожиданно высказывается слѣдующимъ образомъ о проблемѣ субстанціи. Субстанція становится для насъ все болѣе и болѣе таинственной и извѣстна намъ не лучше, чѣмъ была извѣстна Аниксимандру, Эмпедоклу, Спинозѣ, Ньютону, Канту и Гёте. Мы не знаемъ „вещи въ себѣ“, которая скрывается за явленіями, но мы не будемъ заниматься ей. Предоставимъ это дѣло метафизикамъ.

Такимъ образомъ, теоретически религія, по мнѣнію Геккеля, является совершенно исключенной. Наука

не оставляетъ отъ нея ничего. И если кто-нибудь сказалъ бы, что религія все же даетъ отвѣтъ на вопросъ о началѣ и происхожденіи вещей, на который наука не отвѣчаетъ, то и это было бы плохимъ для нея оправданіемъ потому, что вытекающая изъ науки монистическая философія вполнѣ удовлетворительно разрѣшаетъ этотъ вопросъ. Правда, у человѣка существуютъ и практическія потребности. У человѣка есть не только умъ, но и сердце, и чувство, которыя тоже вѣдь нуждаются въ удовлетвореніи, но ученый и въ этомъ отношенія можетъ быть совершенно спокоенъ. Одна только наука, развивая свое ученіе о вселенной, способна заполнить человѣческое сердце. Но еще долго въ наукѣ будутъ существовать нѣкотораго рода пробѣлы, которые будутъ заполняться религіей. Въ виду этого на религію приходится смотрѣть пока какъ на нѣчто полезное. Приходится искать нѣкоторую связь между наукой и религіей. Здѣсь опять на помощь приходитъ эволюціонный монизмъ, который на практикѣ приводитъ, по мнѣнію Геккеля, къ тройному культу Истины, Добра и Красоты. Отношеніе монизма къ христіанству можетъ быть опредѣлено именно съ этихъ трехъ точекъ зрѣнія. Съ точки зрѣнія Истины, онъ конечно относится отрицательно къ христіанству, поскольку это послѣднее опирается на откровеніе и поскольку оно поддерживаетъ вѣру въ Бога Творца и безсмертіе души. Съ точки зрѣнія Красоты, монизмъ опять-таки отрицаетъ христіанскія тенденціи, превозносящія аскетизмъ, худобу и безобразіе человѣческаго тѣла. Но съ точки зрѣнія Добра, монистическая религія остается солидарной съ чистымъ христіанствомъ. Впрочемъ замѣчаетъ Геккель, христіанскія предписанія милости и терпимости гораздо болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ само христіанство. Кромѣ того, христіанство не-

доброжелательно относится къ эгоизму, монистическая же религія устанавливаетъ гармонію между эгоизмомъ и альтруизмомъ. Въ концѣ концовъ христіанская религія можетъ быть помощницей монизма при весьма умѣренномъ пользованіи своими принципами. Въ настоящее время, по мнѣнію Геккеля, надо такъ себя вести по отношенію къ религіи, чтобы разумно пользоваться ею, дѣлая ее по возможности безполезной. Прежде всего, конечно, для этого требуется отдѣленіе церкви отъ государства, чтобы отнять у церкви всякую поддержку, затѣмъ нужна реформа воспитанія. Общественное воспитаніе должно научать принципамъ той научной морали, которая вытекала бы изъ эволюціоннаго монизма. Религіи должны быть изучаемы подъ видомъ особаго предмета сравнительной религіи. Христіанскіе миѳы и легенды должны быть разсматриваемы какъ фикціи и фантастическія построенія человѣческаго ума. Человѣку будущаго не надо будетъ замыкаться въ огороженную часть пространства, называемую церковью. Повсюду около жестокой борьбы за существованія онъ будетъ находить слѣды Истины, Добра и Красоты, и вселенная будетъ его церковью. Но есть люди, которые любятъ быть въ роскошно убранныхъ церквахъ, поэтому настанетъ день, когда множество христіанскихъ церквей перейдетъ къ монистическимъ обществамъ, какъ это было въ XVI вѣкѣ съ католическими церквами, слывшими протестантскими.

Двѣ существенныя черты бросаются въ глаза въ ученіи Геккеля. Во-первыхъ, онъ стремится создать подъ видомъ эволюціоннаго монизма такъ называемую научную философію, т. е. философію, которая имѣетъ за собой научныя основанія. Во-вторыхъ, онъ полагаетъ, что эта научная философія отрицаетъ религію и способна ее замѣнить.

Научная философія не удовлетворяется изслѣдованіемъ того или другого явленія природы. Нѣтъ, она ставитъ себѣ вопросъ объ общихъ универсальныхъ принципахъ. Геккель между прочимъ считаетъ вполнѣ доказанными слѣдующія основныя космологическія теоремы:

1. „Вселенная (міръ или космосъ) вѣчна, безконечна и безгранична.

2. Субстанція ея съ обоими ея аттрибутами (матерія и энергія) заполняетъ собой безконечное пространство и находится въ процессѣ вѣчнаго движенія.

3. Это движеніе происходитъ въ безконечномъ времени въ видѣ единаго, цѣльнаго развитія съ періодической смѣной жизни и смерти, прогресса и регресса.

4. Безчисленныя міровыя тѣла, находящіяся въ міровомъ эфирѣ, всѣ подчинены „закону субстанціи"; въ то время, какъ въ одной части вселенной міровыя тѣла находятся въ процессѣ упадка и разрушенія, въ другой части вселенной происходятъ новообразованія и дальнѣйшая эволюція".

Мы ограничиваемся здѣсь разсмотрѣніемъ космологической части его ученія, такъ какъ она является базой монизма и потому излагаемъ только 4 первыхъ положенія.

Какимъ же образомъ наука приводитъ насъ къ признанію такихъ положеній? По мнѣнію Геккеля оказывается, что путемъ истолкованія своихъ открытій. Въ чемъ же состоитъ сущность такого истолкованія? Геккель говоритъ, что опытъ и научное истолкованіе есть дѣло одного и того же разума. Методъ этого истолкованія, какъ говорится въ „Міровыхъ Загадкахъ", ничѣмъ не отличается отъ методовъ научнаго изслѣдованія. Опытъ совершается посредствомъ чувствъ, а наведеніе есть дѣло разума. Обѣ эти

функціи одинаково естественны для человѣка. Метафизики отдѣляли разумъ отъ чувствъ, а ученые — чувства отъ разума. Погрѣшали и тѣ, и другіе. Безъ философіи нельзя обойтись въ наукѣ. Клѣточная теорія, динамическая теорія теплоты, теорія эволюціи, законъ субстанціи—все это, по Геккелю,—философскія ученія. Наконецъ, въ подтвержденіе законности перехода отъ науки къ философіи, Геккель ссылается даже на то, что и у животныхъ на ряду съ чувствами мы встрѣчаемъ разумъ.

Пользованіе послѣднимъ столь же законно, какъ и пользованіе первымъ. Но какъ же онъ доказываетъ, что въ разумѣ нѣтъ другого принципа истолкованія, кромѣ научнаго наведенія?

Даетъ ли Геккель какой-нибудь обзоръ содержанія разума, даетъ ли онъ какую-нибудь теорію познанія? Нѣтъ, ничего подобнаго мы у него не находимъ. Между тѣмъ вѣдь должна же философія носить въ себѣ что-нибудь особенное, специфическое, отличное отъ науки. Если въ разумѣ нѣтъ другихъ принциповъ, то ученый никогда не въ состояніи будетъ выйти за предѣлы науки, если только онъ не замѣнитъ истинную науку ложной. У Геккеля же выходитъ изъ науки философія, которая въ одно и то же время — и наука, и не наука. Какъ это происходитъ — это остается неизвѣстнымъ. Но какъ бы то ни было, такая философія существуетъ. Это — эволюціонный монизмъ. Съ нимъ надо считаться. Въ чемъ же его сущность? Онъ не ограничивается расширеніемъ и защитой научныхъ открытій; нѣтъ, онъ беретъ нѣкоторыя изъ нихъ, игнорируя при этомъ другія, и давъ имъ одностороннее истолкованіе, возводитъ ихъ въ догму. Онъ требуетъ, чтобы его концепція безконечной вселенной со всѣми ея отмѣченными имъ особенностями на вѣки вѣчные съ логи-

ческой необходимостью налагалась бы на умы. Онъ научныя гипотезы дѣлаетъ метафизически достовѣрными. Единая въ своей двойственной природѣ субстанція, разлитая въ безконечномъ міровомъ про странствѣ, и законъ эволюціи абсолютно постоянны и вѣчны. Между тѣмъ вопросъ о безконечности міра вовсе не такъ простъ, какъ представляется это Геккелемъ. Извѣстная Кантовская антиномія, теза которой утверждаетъ конечность міра во времени и пространствѣ, а антитеза — его безконечность, требуетъ глубокаго и всесторонняго обсужденія. Существуетъ обширнѣйшая литература по этому вопросу, въ которомъ вскрывается одна изъ точекъ соприкосновенія философской и математической мысли. Одинъ изъ знаменитыхъ новѣйшихъ французскихъ философовъ, Шарль Ренувье, являющійся какъ разъ сторонникомъ конечности міра, пишетъ слѣдующее: величайшимъ несчастіемъ для философіи было то, что критика Канта не была твердо направлена на тотъ вопросъ, важность котораго именно съ критической точки зрѣнія превосходитъ всякую другую: на вопросъ о безконечности въ числѣ. Что такое на самомъ дѣлѣ значитъ эта безконечность вселенной во времени и пространствѣ? Это прежде всего значитъ то, что въ любой моментъ утверждается за данное пройденная безконечность явленій во времени и безконечность существующихъ явленій въ пространствѣ. Такимъ образомъ, въ этомъ утвержденіи мы неизбѣжно сталкиваемся съ идеей безконечнаго числа, какъ чего то даннаго. По поводу вопроса о существованіи такого безконечнаго числа математики разбиваются на два враждебныхъ лагеря. Одни, сторонники финитизма, его отрицаютъ, другіе — сторонники инфинитизма — его признаютъ. Финитисты говорятъ, что не существуетъ такъ называемой актуальной

безконечности какъ чего то даннаго, какъ числа, надъ которымъ можно было бы оперировать и законы коего можно было бы изучить, какъ это дѣлается съ числомъ конечнымъ. Они признаютъ только такъ называемую потенціальную безконечность, какъ бы безконечность въ становленіи, въ возможности, но такую, которая никакъ не можетъ быть разсматриваема какъ нѣчто данное, какъ нѣкоторая вещь. Инфинитисты держатся противоположной точки зрѣнія. Простой примѣръ покажетъ намъ сущность дѣла въ этомъ отношеніи. Возьмемъ рядъ цѣлыхъ чиселъ: 1, 2, 3, 4, 5, и т. д. Пусть этотъ рядъ стремится въ безконечности. Спрашивается, можно ли мыслить всѣ числа этого ряда до безконечности, какъ нѣкоторое данное нашей мысли множество, какъ единую вещь или же, наоборотъ, даннымъ слѣдуетъ считать только любое конечное множество такихъ чиселъ, но не всѣхъ возможныхъ чиселъ до безконечности. Если держаться точки зрѣнія инфинитизма, т. е. мыслить множество всѣхъ цѣлыхъ чиселъ за единую данную нашей мысли вещь, то неизбѣжно придется принять положеніе, что для такого множества часть будетъ равна цѣлому. Финитисты, опираясь на неизбѣжность подобныхъ противорѣчій, связанныхъ съ признаніемъ безконечнаго множества какъ единой данной вещи, отрицаютъ точку зрѣнія инфинитизма и считаютъ ее логически недопустимой. Инфинитисты же наоборотъ—прямо въ опредѣленіи безконечнаго множества кладутъ то, въ чемъ ихъ противники усматриваютъ противорѣчіе. Они говорятъ, безконечнымъ множествомъ называемъ такое, въ которомъ часть эквивалентна цѣлому, т. е. содержитъ въ себѣ столько же элементовъ, какъ и цѣлое. Они не придаютъ значенія этому противорѣчію, говоря, что введеніе новыхъ понятій всегда должно вызывать переоцѣнку прежде

установленныхъ утвержденій. Противорѣчивое для конечнаго множества можетъ не быть таковымъ для безконечнаго. Изложивъ двѣ точки зрѣнія математической мысли на безконечность, мы можемъ сказать, что обѣ онѣ въ одинаковой степени оказываются способными на дѣлѣ создать аргументъ противъ догматическаго утвержденія Геккеля отъ имени науки мысли о безконечности вселенной, исключающей будто бы идею о Богѣ Творцѣ міра. И вотъ почему первая точка зрѣнія, точка зрѣнія финитистовъ привела французскаго философа Ренувье, независимо отъ всякой теологіи, къ признанію Бога, какъ личнаго Творца всего міра. Шарль Ренувье начинаетъ одно изъ своихъ послѣднихъ произведеній: le Personalisme — такими вполнѣ опредѣленными словами: „гипотеза о твореніи міра посредствомъ первоначальнаго акта и начала явленій болѣе постижима и лучше согласуется съ нашими господствующими логическими понятіями, чѣмъ гипотеза безначальнаго и безконечнаго ряда послѣдовательныхъ явленій“. Такимъ образомъ Геккель фактически оказывается опровергнутымъ въ своемъ утвержденіи, будто бы вѣра въ Бога Творца міра есть исключительно продуктъ откровенія и совершенно отрицается философіей, поскольку эта послѣдняя опирается на науку. Вторая же точка зрѣнія, точка зрѣнія инфинитизма показываетъ намъ, сколь относительны утвержденія нашей мысли. Даже такая аксіома, какъ „часть меньше цѣлаго“ при расширеніи научныхъ и введеніи въ математику новыхъ, такъ называемыхъ трасфинитныхъ чиселъ, оказывается уже непримѣнимой и попросту отбрасывается.

Можно ли послѣ этого изъ какого-нибудь научнаго положенія, сколь бы оно ни представлялось на первый взглядъ убѣдительнымъ, создавать нѣчто догматическое и безусловное.

Между тѣмъ Геккель, не произведя никакого анализа идеи безконечности, призналъ вселенную безконечной по времени и по пространству, совершенно голословно заявивъ, что идея Бога Творца ненаучна.

Н. Соловьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ выпускѣ).

Двѣ пережитыя минуты.

Я усталъ. И порой черезъ силу брожу
Среди моря кипящаго люда,
Но, какъ въ старь, я съ надеждой въ тѣ волны
гляжу,
Жду могучаго слова оттуда.

Средь борьбы и труда я ищу тамъ людей
Чьимъ рѣчамъ я такъ вѣрилъ когда-то,
Чтобы вновь услыхать, что мнѣ съ юности дней
Было дорого, мило и свято.

Но я тщетно ищу тамъ героевъ былыхъ,
Я не вижу ихъ образовъ дивныхъ.
И напрасно я жду ихъ рѣчей огневыхъ,
Я не слышу ихъ звуковъ призывныхъ.

И родныя слова тѣхъ знакомыхъ рѣчей,
Лишь какъ отзвуки въ высяхъ летаютъ.
Лики дивныхъ мужей, далеко отъ очей
Какъ въ туманѣ незримо витаютъ.

И сомнѣнье въ душѣ зародилось моей:
Не обманутъ ли былъ я въ тѣ дни,
Не встрѣчалъ ли и въ старь тѣхъ же мелкихъ людей.
А минувшее — грезы одни.

О нѣтъ! то былъ не сонъ, не грезы, не мечтанья,
Я видѣлъ, слышалъ ихъ, я съ ними говорилъ,
Ихъ трудъ запечатлѣнъ, нетлѣнны ихъ писанья.
Они и днесь живутъ, какъ скрытый кладезь силъ.

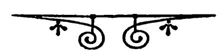
И если темный рой обманчивыхъ мечтаній,
Гипотезъ лживыхъ и волна страстей земныхъ
Затмили идеалъ ихъ пламенныхъ желаній
И блескъ чарующій ихъ ликовъ дорогихъ.

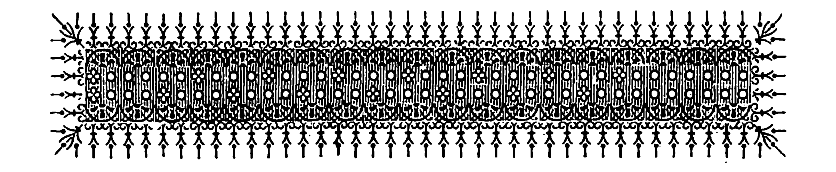
То вѣдь на время лишь,—пробьютъ лучи златые
Туманы лживые; возьмутъ на рамена
Наслѣдье свѣтлое вновь силы молодыя
Съ любовью понесутъ... И зацвѣтетъ весна.

И пробудится вновь въ странѣ моей любезной
Стремленье къ правдѣ, свѣту и добру
И бодрыхъ силъ приливъ, какъ волею желѣзной
Направитъ снова всѣхъ къ живящему труду.

И въ смѣнѣ новыхъ силъ творящихъ правду Божью
Увидимъ мы опять героевъ дней былыхъ,
Откроются уста нетронутые ложью
И зазвучитъ аккордъ знакомыхъ словъ родныхъ.

Александръ Аксаковъ

Изъ сельскихъ переживаній и наблюденій.

Грустныя переживанія и безотрадныя наблюденія приходится отмѣчать каждому мало-мальски вдумчивому и отзывчивому деревенскому быто-писателю. Кровью обливается сердце, когда, мучительно пытаясь разобраться во всемъ безпристрастно и безпартійно, начинаешь даже опасаться, что дойдешь до той душевной болѣзни, которая преждевременно свела въ могилу одного чуткаго до болѣзненности русскаго быто-писателя [1]), тоже пытавшагося разобраться во всемъ безъ помощи готовыхъ партійныхъ трафаретокъ и лозунговъ, сваливающихъ такъ скоро вину съ больной головы да на здоровую... Вѣдь какъ легко партійнымъ людямъ найти причины переживаемой за послѣдніе годы ужасающей деморализаціи!... Крайнему правому стоитъ лишь бросить огульное обвиненіе: „крамольники", „освободители" виноваты! Не менѣе легко и удобно, звонкой и тоже понятной для темной и стихійной толпы фразой крайнимъ лѣвымъ всю вину свалить на „полицейскій режимъ" и „образъ правленія". Отъ такого одностороннепартійнаго опредѣленія причинъ деморализаціи получается, однако, удушливая атмосфера невѣроятной злобы „страшной вражды и ужасающаго вандализма, т. е. получается

---

[1]) Г. И. Успенскаго.

еще большая деморализація. Поэтому пусть объективныя отображенія печальной дѣйствительности съ нѣкоторыми историческими справками рѣшають сами вопросъ о причинахъ современнаго духовнаго, экономическаго и сельско-хозяйственнаго кризиса.

I.

„Тяжело жить!"

„Тяжело жить!" постоянно слышишь теперь отъ всѣхъ въ городѣ и деревнѣ. Причины городской тяготы уже болѣе или менѣе обстоятельно выяснены сотрудниками журналовъ и газетъ, на себѣ испытывающихъ эту тяготу, но деревенскія тяготы обсуждаются какъ-то неумѣло и неточно.

„Тяжело жить!" — чаще всѣхъ говорятъ средніе хорошіе крестьяне, это сердце и ядро деревни: „земля выпахалась и истощала, остатки хлѣбороднаго слоя съ полей смываетъ весенней водой и выдуваетъ лѣтними суховѣями, лѣса уменьшились, поля изорвало громадными оврагами, пескомъ и иломъ изъ нихъ заноситъ луга, рѣки и озера, хлѣба стали родиться хуже, заработки тоже падаютъ; а народу очень умножается, разные налоги и сборы увеличиваются; прежде всѣ носили самотканую одежду, ѣли свой не покупной горохъ, кашу, мясо, щи, молоко и проч., пили свой квасъ; а теперь давай покупной чаишко (больше кирпичный) [1]) и сахаръ, а молодежи—непосильныя для тощаго крестьянскаго кармана резиновыя калоши, шерстяные и шелковые наряды, папироски, гармоники, деньги на выпивку и всего не перечтешь; помощники же парни плохіе, совсѣмъ отбиваются отъ рукъ. Совсѣмъ нельзя жить станетъ. Хоть ложись да умирай. Видно послѣднія времена настали"... Дѣйстви-

[1]) Говорится о Казанской губ.

тельно, положеніе во всѣхъ отношеніяхъ становится тяжелое. Пресловутая теорія Мальтуса въ Западной Европѣ потеряла смыслъ, потому что солидная культура увеличила производительность труда; въ русской же деревнѣ для опредѣленія экономическаго состоянія ея необходимо пожалуй примѣненіе этой забытой теоріи въ квадратѣ или даже въ кубѣ: какъ извѣстно, теорія эта отмѣчаетъ, что средства къ существованію увеличиваются въ ариѳметической прогрессіи, а населеніе въ геометрической, т. е. что ростъ, увеличеніе средствъ къ существованію отстаетъ отъ увеличенія населенія, а у насъ при быстромъ ростѣ населенія производительность сельско-хозяйственнаго труда наоборотъ пятится назадъ, понижается изъ за истощенія богатствъ природы и отсутствія высшихъ сельско-хозяйственныхъ знаній. Кромѣ того содержаніе каждаго человѣка въ отдѣльности тоже быстро удорожается. Поэтому чувство самосохраненія и любви къ дѣтямъ подсказываетъ необходимость увеличенія бережливости и заботы о производительности труда, между тѣмъ у насъ, говоритъ академикъ И. И. Янжулъ „въ русскомъ обществѣ распространены такая расточительность и мотовство, какъ ни въ какой, вѣроятно, иной странѣ“ („Вѣстникъ Самообразованія“, № 1 за 1904 г.). Другой ученый, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій въ № 2 „Вѣстника Воспитанія“ за 1908 годъ приходитъ къ печальному выводу, что русская интеллигенція не сумѣла предотвратить причины голодовокъ деревни. Лучшіе крестьяне начинаютъ сильно задумываться надъ своимъ положеніемъ. Но не они теперь создаютъ настроенія деревни. Превознесенный Горькимъ бездомовый бобыль является въ деревнѣ новымъ „героемъ нашего времени“. Онъ „сытъ, пьянъ и рыло въ табакѣ“. Не каждый полицейскій рѣшится

остановить его въ городѣ, опасаясь, какъ бы онъ не пырнулъ ножемъ. Въ деревнѣ же онъ является хозяиномъ положенія: идетъ пьяный, сквернословитъ, безобразничаетъ и буянитъ, привлекая массы ребятишекъ въ качествѣ зрителей. Такое геройство фабричныхъ, бобылей и разныхъ бродягъ, какъ страшная эпидемія заражаетъ парней; юнымъ молодымъ силамъ всегда свойственно похвастаться молодечествомъ; поэтому парни стараются превзойти другъ друга въ извращенномъ молодечествѣ: пьянствѣ, ухарствѣ, цинизмѣ и дебошахъ; въ темныя ночи осеннія стонъ стоитъ надъ большими селами отъ ихъ уханья, гайканья и оранья и рѣдкій праздникъ обходится безъ ножевщины. А въ престольные праздники какъ будто вся атмосфера пропитывается сквернословіемъ, пьянствомъ и всякимъ безобразіемъ. Эпидемія хулиганства охватила всю Россію отъ Бессарабіи до Камчатки. Какъ сдерживать всю эту грязную, все разрушающую и разлагающую волну хулиганства? При помощи полиціи?—Но, къ сожалѣнію, въ конные стражники идетъ тоже отбившійся отъ земли, семьи и дома послужившій въ солдатахъ крестьянинъ. Школа? — Что может сдѣлать одна безпомощная учительница? Отвлеченно ея вліяніе сколько угодно можно идеализировать; но на дѣлѣ всесильное вліяніе улицы вторгается даже въ школу. Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Священникъ?—Ему то и дѣло приходится слышать отповѣдь, что и образованные то ведутъ себя не лучше; а одинъ черемисинъ пьяница, жившій внѣбрачно, на упрекъ приходскаго священника разсердился и сказалъ: „ты вотъ меня ругаешь, а когда я былъ денщикомъ у ротнаго командира, такъ онъ тоже жилъ незаконно, а полковой священникъ у него по-пріятельски бывалъ, выпивалъ и игралъ въ карты“. Сельскія власти и церковно-приходскія попечитель-

ства? —Кому охота быть облаяннымъ и получить ножъ въ животъ, поэтому всѣ уклоняются. Если предавать суду?—Но судъ, полиція и тюрьма страшны только для совѣстливаго семейнаго хорошаго домохозяина, а для онаглѣвшаго хулигана судъ часто кончается благопріятно; поэтому онъ изъ-за мести можетъ раззорить цѣлую деревню: заборы и запоры у крестьянъ плохіе, темной ночью осенней что угодно тащи со двора; а постройки изъ соломы и сухого являются страшно горючимъ матеріаломъ, ширкнулъ хулиганъ спичкой и... полсела со всѣмъ добромъ не стало. Поэтому, несмотря на всю назойливость хулигана, крестьянинъ говоритъ: „моя изба съ краю, я ничего не знаю"... Въ крайнемъ случаѣ если даже и посадятъ хулигана въ тюрьму пища, квартира, отопленіе, освѣщеніе и одежда готовыя, а хорошему домохозяину надо думать объ этомъ, все страшно вздорожало. Да, тунеядецъ бездомный разрушитель хулиганъ теперь властно задаетъ тонъ деревнѣ!...

Почему это? —Исторія и литература даютъ, какъ мнѣ кажется, слѣдующій отвѣтъ. Обиліе богатствъ природы на Руси въ X—XV вѣкахъ привлекало изъ Средней Азіи цѣлые потоки хищныхъ варваровъ, грязной волной заливавшихъ югъ Россіи и въ видѣ гнилого осадка оставлявшихъ азіатское хамство и хищничество. Это же обиліе всего, въ прорубленное Петромъ I въ Европу окно, привлекло въ XVIII в. съ противоположной, западной, стороны то же волну развращенныхъ и падкихъ на легкую наживу паразитовъ „воспитателей": боннъ, гувернеровъ и т. п. авантюристовъ. Эта волна оставила тоже свой осадокъ тлетворнаго тунеядства и паразитизма. Эти два наслоенія исказили у насъ христіанскій взглядъ на трудъ и счастье; что отразилось даже и въ зеркалѣ общественныхъ переживаній, настроеній и стремленій—русской художествен-

ной литературѣ XIX вѣка. Что такое представляли въ сущности т. н. „герои времени“—Чацкій, Евгеній Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ, какъ не въ своемъ родѣ интеллигентныхъ бездомовныхъ и праздныхъ странниковъ... Высокомѣрное презрѣніе ко всякому труду (особенно земледѣльческому), какъ постыдному пресмыкающемуся рабству [1]), и враждебное отношеніе ко всякой осѣдлости, мѣщанскому счастью и скопидомству, вотъ свойства романтическихъ героевъ, издавна любимыхъ у насъ и поэтами, и беллетристами, и ихъ читателями“... „Земля наша велика и обильна“, поэтому всѣ хищничали въ ней; теперь въ своемъ хищническомъ пользованіи богатствами природы уперлись въ тупикъ; идеалъ „героя нашего времени“ высокомѣрно разрушающаго чужое счастье и результаты упорныхъ и продолжительныхъ трудовъ развращаетъ всѣ классы русскаго общества, выдавая удивляющее заграницей чисто-русское мотовство, истощающее русскую деревню, подъ громко-дутымъ названіемъ „широкой русской натуры“. Конечно, Плюшкины и скряги Скруджи отвратительны, но на много ли благороднѣе герои бездомовники высокомѣрно презирающіе трудъ; не являются ли они паразитами, живущими чужимъ трудомъ и разрушавшими чужое счастье? Да и истинная ли та свобода, къ которой мы идемъ, свобода подобная разнузданности разбойниковъ курдовъ, арнаутовъ и албанцевъ, доведшихъ свое отечество—Турцію до полнаго экономическаго закабаленія болѣе выдержанными западно-европейскими капиталистами? Не безпутая ли широта натуры толкаетъ насъ при рѣдкихъ и случайныхъ уро-

[1]) Полную несостоятельность подобныхъ мнѣній отмѣтилъ еще А. Н. Энгельгардтъ сказавъ: „земля должна привлечь интеллигентныхъ людей, потому что земля даетъ свободу, независимость; а это такое благо, которое выкупаетъ всѣ тягости тяжелаго земледѣльческаго труда“.

жаяхъ задаромъ сваливать хлѣба, чтобы потомъ втридорога покупать его въ неурожайные годы, по уши залѣзая въ долги? Не она ли мотаетъ за безцѣнокъ, иностранцамъ русскіе золотые и платиновые пріиски, залежи руды и каменнаго угля и нефтеносныя земли? За все это русское добро, какъ напр., нефть и керосинъ мы платимъ Ротшильду, Нобелю и др. иностранцамъ какія имъ заблагоразсудится деньги, эти же деньги вымаливаемъ у нихъ ежегодно чисто за жидовскіе безконечные проценты. А на эти проценты, свидѣтели нашего широкаго мотовства, можно бы прекрасно поставить дѣло народнаго образованія. Наши герои „Дыма“ везутъ русскія деньги мотать въ Баденъ-Баденъ, Монте-Карло и др. заграничные курорты, удивляя иностранцевъ широтой своей натуры; иностранцы же концессіонеры везутъ свои деньги совсѣмъ за другимъ. И все это плохо аттестуетъ нашихъ героевъ...

„Тяжело жить!“ не рѣже крестьянъ повторяетъ большинство сельскаго духовенства: „доходы уменьшаются, ругу плохо платятъ, жалованья не прибавляютъ, а содержаніе семьи, особенно же учащихся дѣтей сильно дорожаетъ“. Это создаетъ „крестъ пастырства“ Крестьяне оцѣниваютъ всякій интеллигентный трудъ наравнѣ со своей тяжелой, каторжной работой. „Вотъ, говоритъ, учительница что мало получаетъ 15 р. въ мѣсяцъ: а у насъ бабы цѣлый день съ темна да до темна на морозѣ буздаютъ цѣпомъ за четвертакъ поденщины, а тутъ посидитъ она съ ребятишками въ теплѣ да свѣтѣ, за полтинникъ въ день, по крайней мѣрѣ не мерзнетъ и не ломаетъ себѣ спину“. Еще больше толковъ вызываетъ, когда увидятъ въ родительскую цѣлую кучу мѣдяковъ рублей въ 10—15 собранную духовенствомъ. Псаломщику изъ этой кучи достанется около 2 р., діа-

кону—4 р. и священнику—6 р., т. е. столько, сколько онъ израсходуетъ, если разъ съѣздитъ повидаться въ городъ съ учащимися дѣтьми, а крестьяне говорятъ: „видишь, не даромъ говорятъ, что у поповъ глаза завидущи, руки загребущи, карманы большущи, вонъ какой ворохъ денегъ получили, а все имъ мало". Тоже приходится слышать на валовыхъ (волостныхъ) сходахъ при назначеніи жалованья писарю съ помощниками, если не „подмажутъ" (не „угостятъ") болѣе крикливыхъ выборщиковъ. Изъ-за этого не цѣнятъ и тяготятся земскими учрежденіями; хорошо еще не знаютъ источниковъ и назначеніе нашего чудовищнаго бюджета...

Эта степенность сильно чувствуется тоже и въ церковномъ хозяйствѣ: доходы не повышаются, а сборы и налоги въ силу необходимости быстро увеличиваются. Духовенству нужно учить дѣтей, чтобы не оставить ихъ несчастными и ни къ чему не пристроенными людьми; средствъ у большинства не хватаетъ; поэтому церкви въ силу необходимости несутъ расходы на содержаніе духовныхъ и епархіальныхъ училищъ. Начальники этихъ училищъ попадаютъ между двухъ огней: бѣдное сельское духовенство и церковные старосты вопятъ: „нельзя ли ради Бога какъ-нибудь попроще и подешевле". Но столичнымъ ревизорамъ, не знающимъ деревенской нужды, напротивъ нравится, когда училища духовнаго вѣдомства не ударяютъ себя въ грязь лицомъ передъ свѣтскими учебными заведеніями во внѣшней показной (лицевой) обстановкѣ съ электричествомъ, паркетными полами, роялями и т. п. предметами первой необходимости культурнаго общества, непосильными, однако, для дыряваго деревенскаго кармана. Перевѣсъ, конечно, остается на сторонѣ послѣднихъ, и платежеспособность церквей по общерусскому обычаю

натягивается до послѣдней крайней степени. Равно тяжело стало строить храмы и церковные дома: сборы на нихъ идутъ очень туго—только изрѣдка по грошику, по копѣечкѣ, по горсткѣ мучки, по яичку, что за послѣдніе годы стало имѣться въ деревнѣ у немногихъ; а строительные материалы, рабочія руки и архитекторскій надзоръ, отопленіе и проч. страшно удорожились. А тутъ еще масса всевозможныхъ случайныхъ сборовъ.

Такіе контрасты между понижающейся доходностью сельско-хозяйственнаго труда и быстро увеличивающейся дороговизной культурной жизни постепенно увеличиваютъ глухое недовольство въ глубоко-консервативныхъ сельскихъ массахъ. Искусственно раздутая политическая революція, какъ бѣшенный ураганъ, промчалась надъ головами удивленныхъ мирныхъ сельскихъ жителей, но задѣла только пѣну и накипь въ деревенскомъ морѣ — безпокойный пролетаріатъ и разныхъ хулигановъ, оставивъ лишь по мѣстамъ нелѣпую партійную рознь, хорошій же крестьянинъ безъ крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ любитъ Бога, Царя-Батюшку и землицу-кормилицу матушку; экономическія причины напротивъ незамѣтно и съ неуклонной послѣдовательностью накопляютъ внутри народнаго организма глухое недовольство, а тутъ еще грозитъ ему гнилостное зараженіе онаглѣвшимъ паразитическимъ хулиганствомъ...

Гдѣ же спасеніе отъ всѣхъ этихъ деревенскихъ недуговъ? Въ твердой власти? Въ церкви и школѣ? Въ библіотекахъ? Землеустройствѣ? Теперь, когда хулиганство начинаетъ одолѣвать честныхъ тружениковъ, конечно, для защиты послѣднихъ необходима твердая и справедливая власть, чуждая политиканства. Еще болѣе такія качества необходимы для ду-

ховной власти. Но все это уже неоднократно слышно было отъ наиболѣе уравновѣшенныхъ и здравомыслящихъ членовъ Госуд. Думы. Но во взглядахъ на школу хорошій крестьянинъ разойдется даже съ придерживающимся золотой середины думскимъ центромъ. Такъ пишущаго эти строки, сына крестьянина, весьма удивила звонкая, чисто программная дутая фраза г. Клюжева: „народъ рвется къ образованію!“... Чѣмъ такъ привлекаетъ народъ это образованіе? Слабый, мягкотѣлый крестьянинъ, измаявшись на работѣ, не прочь помечтать конечно о томъ, чтобы его „сынокъ не маялся какъ онъ на черной работѣ, а выучился, вышелъ въ люди, поступилъ на должность, на жалованье“. Крѣпкій же крестьянинъ, этотъ здоровый элементъ деревни, напротивъ говоритъ: „немного выучился читать, писать и считать, ну, и будетъ, отъ многаго-то ученья только отбиваются ребята отъ земли, семьи и дома, вонъ дѣвушки не учатся, да Бога боятся и добрыхъ людей стыдятся, а парни почти всѣ учились, а нѣтъ въ нихъ ни стыда, ни совѣсти; чему научитъ школа крестьянина? Всѣ образованные только на жалованьи и живутъ, и безъ нашихъ дѣтей слишкомъ много всякихъ чиновниковъ; а какъ ведутъ себя образованные-то мы тоже видали“... Это опредѣленіе вліянія школы совпадаетъ съ опредѣленіемъ Г. И. Успенскаго: „Я знаю по себѣ, да и вы, навѣрное согласитесь, что направленіе доступнаго нашему брату образованія таково, что, по окончаніи курса, напримѣръ въ университетѣ, теряешь возможность стоять на своихъ собственныхъ ногахъ и тотчасъ принимаешься искать какихъ нибудь казенныхъ костылей въ видѣ подъемныхъ, прогонныхъ, добавочныхъ... Словомъ, начинаешь въ отчаяніи взывать — „давай!“ и чувствуешь, что непремѣнно надобно что-нибудь „получать отъ казны“,

такъ какъ безъ ея благодѣтельной помощи предстоитъ гибель“ („Овца безъ стада“)... Оно и понятно. Русская школа должна была поставлять кандидатовъ въ служилое (чиновное) сословіе. А для этого нужна подготовка не къ жизни, а къ диплому. Для полученія же послѣдняго достаточно лишь проработать извѣстную сумму тягостнаго египетскаго труда по заучиванью на память грамматической, географической, исторической, естествонаучной, катихизической и т. п. терминологіи. За это получается возможность сдѣлаться по крестьянскому выраженію „господиномъ“, „бариномъ“, „нерабочимъ человѣкомъ“ (для простого крестьянина одно и то же консервативный чиновникъ и человѣкъ либеральной профессіи). Петръ I, толкнувъ могучей рукой Россію впередъ, сдѣлалъ только сдвигъ верхняго слоя русскаго общества, оборвавъ связь съ оставшимся неподвижно на прежнемъ мѣстѣ нижнимъ слоемъ. „Баринъ“ и „мужикъ“ перестали понимать другъ друга. А такъ какъ „баринъ“ только наблюдалъ за платежноспособностью „мужика“, то между ними создалось взаимное вѣками внѣдрявшееся недовѣріе. Подъ словомъ „баринъ“, „господинъ“ крестьяне разумѣютъ не только помѣщиковъ, но вообще и чиновника и всякаго интеллигентнаго человѣка; вѣдь нерѣдко приходится слышать какъ прислуга адвоката или врача изъ разночинцевъ величаетъ „бариномъ“, его жену „барыней“, а обоихъ вмѣстѣ „господа ушли въ гости, ихъ нѣтъ дома“ Лишь зная психологію народа, А. Н. Энгельгардтъ сказалъ: „для того, чтобы интеллигенція была понята народомъ, она должна слиться съ нимъ на почвѣ мужицкаго земледѣльческаго труда; для этого интеллигенту нужно прежде всего самому обратиться въ простого земледѣльца, самолично работающаго; врачи, учителя, въ

которыхъ нуждается народъ, должны въ то же время быть и земледѣльцами“. Поэтому даже самодуръ допетровскій помѣщикъ, жившій постоянно въ деревнѣ, былъ понятнѣе и ближе для крестьянъ либерально-образованнаго полуевропейца, который для жизни за границей истощалъ деревню черезъ хищныхъ кулаковъ-бурмистровъ часто—не хуже татарскаго баскака. А близкіе къ природѣ и ея Творцу хорошіе помѣщики-дворяне и теперь ближе къ сердцу крестьянина-земледѣльца, чѣмъ самые демократичные и антирелигіозные люди свободныхъ профессій. Поэтому является со стороны крестьянъ громадной ошибкой, выкуриванье хорошихъ помѣщиковъ по подстрекательству разныхъ хулигановъ; а выкуриванье тѣхъ, которые уступили излишки своихъ земель, является прямо-таки вопіющимъ зломъ. Теперь, когда жизнь становится крайне дорогой и когда увеличеніе жалованья всему многочисленному служилому классу становится не подъ силу крестьянамъ и др. плательщикамъ и когда для упорядоченія жизни деревни вообще, а сельскаго хозяйства въ особенности, до неотложности необходимы хорошо, изъ личнаго опыта знающіе всѣ условія деревенской жизни просвѣщенные земскіе и общественные дѣятели, не только грѣшно сгонять съ дорогихъ прародительскихъ гнѣздъ опытныхъ землевладѣльцевъ и въ особенности помѣщиковъ среднихъ и вообще небольшихъ имѣній, а необходимо всѣми мѣрами увеличивать число интеллигентныхъ хозяевъ, поэтому при всѣхъ сельскихъ училищахъ, церквахъ и больницахъ слѣдуетъ имѣть участки земли, которые бы давали сельскимъ учителямъ духовенству и медицинскому персоналу пищевые продукты, здоровый отдыхъ отъ умственнаго труда и возможность дѣлать всевозможные с.-х. опыты. Когда же крестьяне увидятъ, что знаніе увеличи-

ваетъ производительность с.-х. труда на дѣлѣ, а не на словахъ, то будьте увѣрены, что безъ всякихъ побужденій со стороны многочисленныхъ канцелярій Главнаго Управленія Земледѣлія и Землеустройства они переймутъ все полезное. „Барство" и пьянство, вотъ главные враги русской жизни. Посмотрите, вся „поэзія китайцевъ прославляетъ земледѣліе, ручейки, дождь, вѣтры, облака и вообще тѣ силы, которыя способствуютъ всходу и росту хлѣбныхъ зеренъ", а извѣстная поговорка гласитъ, что „государство болѣетъ тогда, когда мужчина не обрабатываетъ своего поля, а женщина не блюдетъ своего хозяйства"; у насъ же царятъ въ жизни изреченія: „пей, молодецъ, ты вѣдь не дѣвица", а „герои времени" помѣшаны на барствѣ и плотской любви. Да и чего дѣлать барствующему человѣку?—карты, водка и флиртъ... Поэтому въ высшей степени отраденъ: глубоко симпатичный и весьма важный починъ убѣленнаго сѣдинами о. протопресвитера І. Л. Янышева, поднявшаго недавно вопросъ „о необходимости христіанизаціи мірского труда". Только при приближеніи нашей русской интеллигенціи и школы къ природѣ и ея Творцу они приблизятся къ сердцу народа. Такое дружное единеніе интеллигенціи и дѣятелей школы ради оздоровленія массъ населенія крайне необходимо потому, что разрозненныя усилія отдѣльныхъ идейныхъ учителей и учительницъ, какъ слабыя искорки свѣта давитъ мрачная слякоть осенняя. Массовый психозъ алкоголизма и одичанія заражаетъ и дѣтей школьнаго возраста и развращающее вліяніе улицы врывается въ школу. Учащіеся посѣщаютъ занятія не аккуратно, и авторитетъ всѣхъ начальствующихъ и учащихъ подорвала эпидемія нравственнаго одичанія. Да и что можетъ сдѣлать одна безпомощная учительница съ 60 шаловливыми младен-

цами, неумѣющими отличить правой руки отъ лѣвой, если въ теченіе трехъ лѣтъ ученія она можетъ дать не болѣе 1000—1200 часовыхъ уроковъ, значитъ, на каждаго ученика приходится непосредственнаго вліянія около 200 часовъ, эти 200 ч. — капля въ морѣ уличнаго увлекательнаго вліянія. Да и часть этихъ 200 ч. отравляются въ сезонъ свадебнаго и масленичнаго разгула, а также во время осенней пылищи, когда ребята натащатъ на лаптяхъ ежедневно массу грязи, быстро распыливающейся.

Что же касается отношенія крестьянъ къ земскимъ и правительственнымъ заботамъ объ ихъ хозяйствѣ, то уже не разъ отмѣчалось, что эти заботы не вызываютъ довѣрія и мало достигаютъ своихъ цѣлей. Мелкій и крупный кредитъ оказываются полезными лишь при острой, а не хронической нуждѣ и требуютъ умѣнія быстро сдѣлать оборотъ, аккуратности и бережливости. Забота о поднятіи производительности хозяйства улучшеніемъ культуры и созданіемъ сельско-хозяйственныхъ организацій, до сихъ поръ тоже мало принесли практической пользы. Доклады управъ выходятъ гладкіе: опытныя поля, показательныя поля, распространеніе въ населеніи полезныхъ орудій, хорошихъ сѣмянъ, улучшеніе культуры и т. д., но хорошо это только на бумагѣ. Набираются агрономы изъ Петровцевъ, являющихся насъ поучать, являются къ намъ къ сожалѣнію съ голой наукой, — притомъ нѣмецкой... Въ Германіи все изучено, для каждой мѣстности кромѣ общей науки есть наука практическая, т. е. собраніе истинъ, вынесенныхъ изъ опыта... а у насъ ничего нѣтъ своего“... Даже школьнику бросается въ глаза необъятность Россіи съ ея всевозможными почвами, климатами, вегетаціонными періодами, метеорологическими и т. п. условіями, въ сравнительно же ма-

ленькой Германіи, Даніи, Франціи, Голландіи все однородно и прекрасно изучено; климатъ подъ вліяніемъ Гольфштрема точенъ и аккуратенъ, какъ характеръ голландца, англичанина, датчанина, норвежца и нѣмца; у насъ же, напр., лѣтомъ 1909 года май смотрѣлъ сентябремъ, сентябрь — маемъ, іюнь и іюль — октябремъ, а октябрь — іюлемъ. Въ декабрѣ температура съ 0 падаетъ вдругъ до 25°R, а потомъ черезъ два дня поднимается до 7°R; вотъ тутъ и скажешь: „что русскому здорово, то нѣмцу смерть“, и наоборотъ, что у нѣмца приноситъ пользу, то у насъ разбивается въ дребезги. Еще сильнѣе и ярче характеризуетъ условія культурныхъ начинаній въ такой сравнительно передовой губерніи, какъ Московская, ветеранъ агрономической науки А. А. Зубрилинъ: „Чтобы разсчитывать на какой-нибудь осязательный успѣхъ агрономической пропаганды, среди крестьянъ, необходимо заручиться извѣстной долей ихъ довѣрія, а этого можно достигнуть лишь основательнымъ знакомствомъ съ ихъ хозяйственнымъ міровоззрѣніемъ, ихъ положительными и отрицательными взглядами на тѣ или иные естественно-историческіе, техническіе и экономическіе факторы окружающей дѣйствительности; нужно забраться въ самое нутро крестьянскихъ вожделѣній; ну, а проникнуть туда совсѣмъ нелегко. Крестьянинъ нашъ недовѣрчивъ, это — общепризнанный фактъ. Ко всякому почти интеллигенту онъ относится не иначе какъ къ человѣку, посаженному на его шею; никакъ онъ не представитъ себѣ, что кто-то хочетъ о немъ позаботиться, помочь ему. Вотъ развелось много чистыхъ господъ, нечего имъ стало ѣсть, и выдумываютъ разныя должности, — теперь какихъ-то агрономовъ выдумали. Чему „онъ“ меня научить можетъ?! Я и родился-то въ полѣ, цѣлую жизнь прокопался въ своей землѣ, кажись, голыми руками

всю ее пересыпалъ съ мѣста на мѣсто; придешь на поле-то, — каждый колосокъ заглядываетъ тебѣ въ глаза, знаетъ, что ты его вспоилъ, вскормилъ. Ну, а что „онъ“ понимаетъ? Наняли ему за наши же деньги тройку лошадей на рессорахъ, и пріѣхалъ насъ морочить; самъ небось косы въ рукахъ не держалъ, въ полѣ-то только на прогулку съ барынями въ калошахъ ходилъ, чтобы росой ваксу съ штиблетъ не смыло, а тоже суется учить насъ хозяйству. Ты вотъ что, баринъ, поѣзжай, откуда пріѣхалъ, да скажи тому, кто тебя послалъ сюда, чтобы намъ земли побольше нарѣзали, да податей убавили, а съ своимъ хозяйствомъ мы и сами справимся безъ всякихъ агрономовъ или какъ ихъ тамъ еще называютъ“ Подобныя „урезониванья“ я слышалъ не одинъ разъ на сельскихъ сходахъ отъ совершенно серьезныхъ домохозяевъ“ („Улучшеніе крестьянскаго хозяйства“. Вып. I, 126—127 стран.)...

Вотъ это-то печальное *недовѣріе* и *мнительность* русскихъ крестьянъ тормазитъ всякія начинанія. Чѣмъ энергичнѣе предлагается имъ закрѣпленіе земли въ собственность, тѣмъ болѣе имъ чудится страшный призракъ историческаго: „вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день?“... А про опыты Демчинскаго говорятъ? „если хорошо, такъ пусть сначала безъ жалованья поживетъ съ семьей на такомъ хозяйствѣ, поплатитъ годковъ пятокъ всѣ мірскія, волостныя, церковныя, земскія и другія повинности, если сдюжитъ, то мы съ радостью переймемъ!“ То же говорятъ про авторовъ статей въ земскихъ и сельск.-хоз. журналахъ [1]).

---

[1]) Дѣйствительно, „чужую бѣду руками разведу, а къ своей и ума не приложу“. Къ сожалѣнію, какъ еще отмѣтилъ Г. И. Успенскій, въ сельско-хозяйственные журналы и въ сельско-хозяйственныя училища въ качествѣ ученыхъ коровниковъ, куроводовъ и т. п. спеціалистовъ пристраиваются люди изъ городского пролетаріата и служилаго класса,

Поэтому вѣдомству земледѣлія и землеустройства слѣдовало бы не такъ энергично упоминать слово „закрѣпленіе“, а то „у страха глаза велики“; чуваши, малороссы и нѣк. др., не напуганные Юрьевымъ днемъ, начали выселяться; русскіе убѣдятся, что нѣтъ никакого подвоха и тоже будутъ охотно переходить къ отрубнымъ участкамъ. Теперь дурные элементы поднимаютъ головы, поэтому хорошимъ крестьянамъ нужно сплотиться съ лучшими земскими и общественными дѣятелями, чтобы ослабить тлетворное хулиганство. И подобный шагъ оппозиція не можетъ объяснить нецѣлесообразностью землеустроительныхъ мѣропріятій Правительства. На русскихъ лѣвыхъ партіяхъ еще сильнѣе отразилась та безпочвенная теоретичность и непрактичность, которую разумѣлъ Бисмаркъ, когда говорилъ про германскихъ лѣвыхъ, что они не сумѣли бы упорядочить даже одну провинцію. Если при торопливомъ навязываньи *„права закрѣпляться“*, темному крестьянину мерещится страшный призракъ *„крѣпостного права“*, то если бы допустить лѣвыхъ до проведенія въ жизнь ихъ ученія о „національизаціи“ и „соціализаціи земли“, то крестьянамъ почудился бы еще большій „подвохъ“ и они тоже сказали бы: „какъ бы тутъ чего не было“ и почудился бы еще болѣе страшный призракъ „жида“ и „англичанки“, которые хотятъ у нихъ отобрать всю землю. Какъ „Начальству“ крестьяне не довѣряютъ, также не вѣрятъ и ихъ антиподамъ—„студентамъ“ и „стрекулистамъ“. Выше уже было сказано, что недовѣріе къ Начальству возникло изъ-за того, что ради сведенія прихода съ расходомъ въ нашихъ чудовищныхъ бюджетахъ оно въ силу необходимости

на бумагѣ у нихъ выходитъ гладко, а на дѣлѣ вездѣ задѣваетъ; а эта негладкость с.-х. улучшеній у жителей деревни отражается, и въ печатныхъ Совѣтахъ.

должно было прибѣгать къ всевозможнымъ мѣрамъ, чтобы изъ деревни извлечь побольше денегъ. Интеллигенція тоже, какъ отмѣчаетъ г. Зубрилинъ, по мнѣнію крестьянъ сидитъ на ихъ шеѣ, поэтому тоже не пользуется довѣріемъ. Кромѣ того міровоззрѣнія крестьянъ и интеллигенціи совершенно разныя, „мужикъ“ и „баринъ“, какъ люди разныхъ націй, безъ переводчика, не понимали другъ друга. Увлекающаяся учащаяся молодежь, а особенно люди, усвоившіе внѣшній лоскъ цивилизаціи, осмѣивали простодушную религіозность мужика, его вѣру въ „глазъ“, въ домовыхъ и лѣшихъ; а сами щеголяли, какъ послѣднимъ моднымъ словомъ науки, своей вѣрой въ животный магнитизмъ, спиритизмъ, гипнотизмъ, т. е. одни и тѣ же понятія облекали въ заграничныя этикетки съ модными, трескучими названіями, осмѣивалось крестьянское умыванье рукъ предъ употребленіемъ пищи, его паренье въ банѣ, его кафтанъ, пѣсня, примѣты, обычаи, лѣкарства, сказки и т. д. и т. д. Возразятъ, что лучшіе представители интеллигенціи напротивъ дорожили всѣмъ этимъ; да, вѣрно; но они были гдѣ-то далеко; а хорошій крестьянинъ, видя плоды „трактирной цивилизаціи“, считалъ ее за „образованность“, изнанку культуры за ея лицевую сторону. Такимъ образомъ, совсѣмъ напрасно бранятся между собой не въ мѣру усердные защитники Правительства и интеллигенціи. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени интересенъ разсказъ одного моего хорошаго знакомаго учителя-крестьянина. Онъ выдѣлился на хуторъ. Землеустроительная комиссія командировала его въ Волынскую губернію для ознакомленія съ организаціей хуторского хозяйства. Тамъ онъ не попалъ подъ руководство агронома, а, какъ прекрасный практикъ, „попёръ по-мужичьи“ всюду. Пришелъ къ посреднику, тамъ прислуга объявила,

что „господинъ посредникъ“ никого не принимаетъ и ни съ кѣмъ не разговариваетъ. Чего же онъ дѣлаетъ, если ни съ кѣмъ не разговариваетъ?“ — спросилъ удивленный учитель-крестьянинъ. Тогда въ свою очередь удивился и „господинъ посредникъ, поэтому въ окно спросилъ, чего надо назойливому просителю. Послѣднiй сказалъ, что разрѣшенiя ознакомиться съ хуторскимъ хозяйствомъ въ его раiонѣ. Другая картина: пашетъ хохолъ, волишки, какъ телятёшки, плохенькiе, упряжъ мочальная, самъ стоитъ апатичный и пялитъ глаза на сосѣда нѣмца. У нѣмца напротивъ лошади сытыя и гладкiя, упряжь хорошая, плугъ тоже прекрасный, самъ онъ бодрый и самоувѣренный. Тогда любознательный казанецъ присталъ къ хохлу съ разспросами. „У нѣмца земли больше, чѣмъ у Васъ?—Нiтъ, у него 8, а у меня 13“. Такъ, значитъ, у него есть посторонніе заработки?“—„Нiтъ, а у меня два сына каменщиками въ Житомiрѣ“. „Такъ почему же онъ лучше тебя живетъ?“—„А бiсъ его знае!..“ Послѣ этой поѣздки означенный безпартiйный крестьянинъ пришелъ къ заключенiю, что малоросса-хуторянина довели до отупѣнiя какъ бездушное третированье „пана-посредника“, такъ и эксплоатацiя еврея, поэтому ему показалась чрезвычайно странной и односторонней, доходящая до скандаловъ, ожесточенная полемика крайнихъ правыхъ съ крайними лѣвыми: первые все сваливаютъ на „жида“, оправдывая „господина посредника“, лѣвые же всецѣло обвиняютъ „господина посредника“, распинаясь за евреевъ. Такiе же отрицательные результаты даетъ одностороннее политиканство въ деревнѣ.

Лучшiе люди изъ дворянъ, духовенства и крестьянъ изъ-за партiйной, сословной и т. п. борьбы растрачиваютъ свои силы, а партiйные мародеры и маркитанты за ширмами партiйныхъ и сословныхъ лозун-

говъ обдѣлываютъ свои темныя дѣлишки, хищничество же и хулиганство разгуливаются на просторѣ. Скандалы въ Госуд. Думѣ изъ-за партійной вражды теперь даютъ поводъ всевозможнымъ безобразникамъ свои отвратительные дебоши оправдывать тѣмъ, что если лучшіе просвѣщенные люди—народные представители скандалятъ, то имъ, темнымъ людямъ, и подавно простительно. Поэтому здоровые элементы деревни переживаютъ такое настроеніе, которое можно формулировать въ видѣ такого горячаго призыва ко всѣмъ лучшимъ людямъ Россіи; „ради Бога, ради всего святого, ради блага Родины и всеобщей пользы отрезвитесь отъ угара партійной, сословной и т. п. вражды, дружно поддержите тѣхъ, кто поручилъ Сенаторамъ Гарину и проч. сдѣлать острастку хищничеству и хамству, раззоряющимъ и разслабляющимъ наше Отечество, ради Бога поддержите мѣстныхъ дѣятелей, изнемогающихъ подъ напоромъ страшной грязной волны хулиганства и пропойства, развращающихъ и раззоряющихъ деревню! Помогите отрезвленію во всемъ сельскомъ управленіи: „угощеніе“ судей-крестьянъ волостного суда, „угощеніе“ старостъ и старшинъ, „угощеніе“ выборщиковъ въ земскіе гласные отъ крестьянъ, „угощеніе“, „угощеніе“ и „угощеніе“ всюду водкой создаетъ въ деревнѣ невообразимый хаосъ, спутанность нравственныхъ понятій, безволіе и безправіе. Помоги Богъ Государств. Думѣ и Совѣту въ составъ волостныхъ судовъ и сходовъ включить священниковъ, муллъ, врачей, учителей и землевладѣльцевъ, не интересующихся „угощеніями“, чтобы парализовать разлагающее вліяніе безчисленныхъ пиршествъ, способствующихъ лишь торжеству наглаго и безсовѣстнаго бездомнаго хулиганства въ ущербъ прочности уклада

всей здорово-консервативной семейной земледѣльческой деревенской жизни.

Итакъ, побольше трезвой безпартійности и знанія дѣйствительнаго положенія дѣла въ деревнѣ, и тогда полегче будетъ дышаться намъ, маленькимъ людямъ.

Сельскій священникъ *Алексѣй Кулясовъ.*

МЫСЛИ ОДИНОКОЙ.

(Изъ дневника народной учительницы).

7 іюня 1908 г.

...Настоящее искусство возможно только при вдохновеніи. А вдохновеніе это таинство; только не человѣкомъ установленное въ воспоминаніе чего либо изъ прошлаго, а таинство исходящее прямо отъ вѣчности, когда вдругъ и на одно только мгновеніе оно открываетъ свою завѣсу; и вотъ, передъ вами снова завѣса и та же самая, но она кажется еще плотнѣй, еще непроницаемѣй. Но моментъ откровенія былъ, и онъ великъ въ жизни человѣка. Хотя все видѣнное было такъ неясно, такъ мимолетно, что кромѣ туманности въ зрительной памяти ничего не осталось, а въ умѣ пробудилась лишь страшная жажда, желаніе увидѣть еще, понять, т. е. достигнуть того, что не дано смертному. Но душа уже уловила мгновеніе. Человѣкъ еще не знаетъ, что сдѣлаетъ, или скажетъ, но чувствуетъ, и это его руль. А какъ передать чувства, которыми такъ переполнена душа и которыми она такъ жаждетъ подѣлиться съ остальнымъ міромъ. Словами. Но вѣдь это мучительно трудно! Какъ разсказать устами плоти рѣчи души! Ужъ очень не подходятъ къ нимъ выкройки нашихъ словъ. Вѣдь не многими словами нужно разсказать такъ много и

при томъ то, чего не знаетъ умъ. Но человѣкъ не можетъ не подѣлиться своими чувствами и вотъ онъ сталъ изобрѣтать различные способы: одни стали искать выраженія своихъ чувствъ инструментами посредствомъ клавишей или струнъ, другіе кистью и красками, третьи перомъ, и лишь очень немногіе словомъ. Все это вмѣстѣ человѣкъ назвалъ искусствомъ и послѣднее изъ нихъ искусство живого слова—самое трудное. Но зато что можетъ быть убѣдительнѣе живого слова, когда устами человѣка заговоритъ душа? Когда слово это, ничтожное до той минуты, пріобрѣтаетъ страшную силу, открываетъ намъ міръ нашъ со всей его тлѣнностью и пустотой или же открываетъ міръ иной, его правду и вѣчность. Впрочемъ не одно живое слово — имѣетъ эту силу... А музыка? Какъ жадно человѣкъ прислушивается къ ней. Это цѣлитель нравственно-недужныхъ. Тамъ, гдѣ душа изливается въ удивительной гармоніи звуковъ, не нужно ни фразъ, ни словъ: они лишни. А кисть художника, которая въ своихъ разнообразныхъ тонахъ и образахъ передаетъ такъ много прекрасно-чистаго, которое приковываетъ насъ къ мѣсту, наполняетъ тихой радостью, восторгомъ, какой то благодарностью къ кому то, словомъ той чистотой, которой душа возвышается. А пѣніе, напримѣръ стройное „Слава въ вышнихъ Богу“ не заставляло ли васъ чувствовать, что только при вѣрѣ всей силой вашей души возможенъ и на землѣ миръ и благоволеніе Господне въ людяхъ.

Вотъ почему отдѣльные штрихи кисти, аккорды глухого Бетховена, нѣсколько нотъ въ голосѣ, строкъ на бумагѣ, простыхъ словъ — заставляютъ насъ и плакать, и молиться, и радоваться, и болѣть душой. И хотя земля считается величайшимъ магнитомъ, но не притянуть ей тогда наши души, ибо въ тѣ немногія минуты, мы немощные, сильнѣе ея...

6 апрѣля 1909 г.

Архимедъ въ древности сказалъ: „дайте мнѣ большой рычагъ и я переверну всю землю“. Но слова его остались словами. Кто могъ исполнить его просьбу, если самъ онъ, додумавшійся до этого, не нашелъ необходимаго рычага. А эта фраза перевернуть всю землю понравилась потомству. Вотъ прошло уже много вѣковъ съ тѣхъ поръ какъ жилъ и говорилъ мудрецъ, а она все еще повторяется. И каждый педагогъ считаетъ долгомъ сообщить этотъ бредъ своему питомцу. Можетъ быть потому, что она такъ властно и могуче звучитъ. А вѣдь въ сущности, какъ слабо и ничтожно это „всю землю“ въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣйствительно имѣется въ природѣ; для того двигателя или рычага во власти котораго находится вся солнечная система и всѣ міры, что земля—это малое изъ твореній. И этотъ рычагъ — время. Все въ его власти, надъ всѣмъ оно, и только оно одно внѣ всего. У него нѣтъ возраста. Странно было бы назвать его юнымъ или дряхлымъ. Люди придумали для него мѣру: минута, часъ, годъ и т. д., и кажется только для того, чтобы еще скорѣе старить себя. И отсчитываютъ они своей короткой жизнію, длинное время. И покорно идутъ передъ нимъ, сначала рѣзво, шумно, играя; потомъ высоко поднявъ голову бодрымъ шагомъ, потомъ важно тихой поступью, а потомъ уже невѣрнымъ шагомъ и опираясь на посохъ. А время только отмѣтки дѣлаетъ на ихъ лицахъ въ видѣ складокъ — морщинъ, напоминая имъ, что они уже были или жили...

Время одинаково занято великимъ и малымъ, крупнымъ и мелкимъ. Оно гаситъ тѣ небесныя свѣтила, которыя ярко горѣли надъ головами нашихъ предковъ, оно же вновь зажигаетъ другія. Оно выводитъ и букашку изъ кокона, вызываетъ былинку

изъ земли; причудливо убираетъ природу, воплощая красоту небесную въ земномъ, оно же создаетъ пѣвцовъ, или геніевъ для того, чтобы они научили людей понимать ихъ души, а черезъ то чувствовать и познавать всю красоту духовную, всю высоту чистоты небесно-земного. Время засѣваетъ надеждой сердце человѣка. Оно иногда даритъ ему радость и счастье, даритъ ему такія мгновенія, воспоминаніе о которыхъ потомъ оживляетъ его жизнь всѣми цвѣтами молодости, какъ радуга пасмурный день. Но оно никогда и ничего не оставляетъ. Проходитъ и все уноситъ. Оно соединило въ себѣ палача, цѣлителя и безпристрастнаго судью. Это тотъ рычагъ, надъ которымъ есть только одна власть, которая есть и начало всего...

7 января 1910 г.

Много на землѣ прекраснаго, много въ ней дорогого, много сокровищъ скрывается въ ея глубинахъ, но увы!—ничего нѣтъ безцѣннаго. Всё можно достать, всё пріобрѣсти ея земною цѣной. Этотъ обмѣнъ драгоцѣнностей, или обмѣнъ обыкновенныхъ вещей, не вноситъ диссонанса въ природу, не создаетъ разлада между ея отдѣльными частями. И это потому, что въ землѣ одно естество, одинъ міръ. При самомъ твореніи своемъ она была наполнена стройнымъ сочетаніемъ звуковъ, удивительно красивымъ соединеніемъ красокъ и оказалась въ убранствѣ величавой и безстрастной силы; но ей не было дано другое естество —сознаніе. Отъ этого все въ ней безжизненно, все нѣмо. Ни лепетъ ручейковъ, ни шумъ большой воды, ни вѣтра вой, ни шелестъ листьевъ не могутъ выразить желаній земли. Ихъ у природы нѣтъ. Ей однажды навсегда велѣно всё продолжать и при томъ все въ томъ же тонѣ, ни на іоту не нарушая дивно

и чудно установленной гармоніи. Но не дана ей возможность спрашивать зачѣмъ. Медленно и величаво вселенная покоряется своему началу, то есть началу всѣхъ началъ и вѣрной дорогой идетъ къ концу.

Человѣкъ считается вѣнцомъ твореній, царемъ природы, но жизнь ему дана тоже помимо его воли безъ его согласія, за то онъ потомъ въ теченіе всей этой жизни и спрашиваетъ, и безъ конца повторяетъ вопросъ — зачѣмъ? Покориться онъ не можетъ и не можетъ быть нѣмымъ. Ему слишкомъ много дано отъ начала, чтобы онъ оставался безгласнымъ. Ему дано два естества, два міра; — одинъ родной землѣ, — ея, — другой чуждый ей и непонятный міръ духа. Въ немъ, въ этомъ мірѣ духа, всѣ вопросы, всѣ исканія, въ немъ сомнѣнія, правда, любовь и значеніе жизни. Съ такими богатствами человѣку служить только землѣ, быть рабомъ ея рабовъ, заискивать у времени и на время, недостойно его. Это значило бы: развѣнчивать себя собственными руками, сломать корону вѣчности и потомъ съ ея обломками блуждать безъ пріюта безъ цѣли, безъ будущаго, безъ міра въ своемъ мірѣ... Тяжела и темна жизнь, когда всѣ желанія внизу, когда мысль, слѣдуя своему призыву, не можетъ подняться въ высь и стать безпредѣльной, а вынуждена ползать по уровню земли, попадая во всѣ ея расщелины и тамъ обрываться, или находить себѣ конецъ; вотъ когда душа болитъ и страдаетъ.

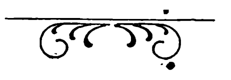
Когда же мысль человѣка направленная духомъ устанавливаетъ пути, которые связываетъ міръ его съ міромъ великаго духа; мысли эти приводятъ въ міръ ничтожествъ величіе и вѣчность. Безъ такихъ путей жизнь то же, что комната со всѣми удобствами, въ которой выхода нѣтъ. Земля притягиваетъ со страшной силой свое, она прочно прикрѣпляетъ къ

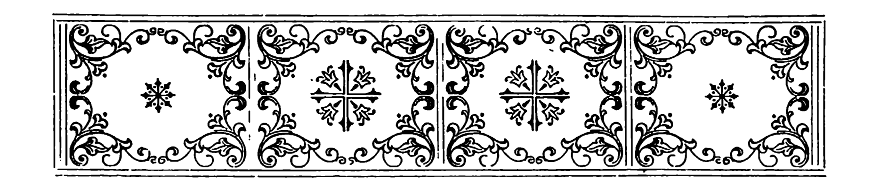
себѣ силою страстей, стремясь уничтожить черезъ то въ человѣкѣ міръ ей невидимый—міръ духа. Но не долженъ человѣкъ забывать, что въ немъ царство Бога или царство силы Божіей, что ему дано все, но только самъ онъ долженъ зажечь свѣтильникъ вѣчности отъ искры вложенной въ основу міра его души.

Ему дано стать не рабомъ а господиномъ времени и предпочесть красоту вѣчную, — красотамъ земли. Какъ это сдѣлать никто опредѣленныхъ указаній дать не можетъ.

У каждаго свой отдѣльный духовный міръ и свой особый духовный инструментъ. Пусть же каждый прислушивается къ тонамъ и нотамъ своего инструмента, чтобы вѣрно воспринять, соединить ихъ, сочетать и черезъ то познать... Вся цѣль и смыслъ жизни въ этомъ. Но пусть человѣкъ, повторяя какъ эхо звуки чуднаго инструмента, не фальшивитъ умышленно, а потомъ не говоритъ, что онъ не зналъ... Христосъ называлъ насъ не разъ друзьями и братьями, не даетъ ли намъ это права, признавая всѣ достоинства земли, удивляясь ея силѣ и временному могуществу, все же считать ея подобно учителю, только своимъ подножьемъ...

Сообщ. *А. Б.*

Старая Агнеса.

(Изъ сказокъ Сальмы Лагерлёфъ).

Мелкими, какъ бы подпрыгивающими шагами подымалась въ гору старушка. Она была худа и небольшого роста. Лицо—блѣдное и увядшее, не было, однако, ни сурово, ни запугано. На ней былъ длинный плащъ, а на головѣ высокій бѣлый чепецъ. Въ рукахъ несла она молитвенникъ и вѣточку леванды, завернутую въ носовой платокъ.

Ея хижина стояла высоко въ горахъ, тамъ, гдѣ уже не росли деревья, около большого глетчера, ледяные потоки, котораго неслись внизъ, въ долину.

Было воскресеніе и она возвращалась изъ церкви. Но посѣщеніе храма, на этотъ разъ, вмѣсто обычной радости принесло ей одно огорченіе. Пасторъ въ этотъ день говорилъ о смерти и о непрощенныхъ грѣшникахъ и она не могла отогнать отъ себя тяжелыхъ мыслей. Вспомнились ей слышанные ею въ дѣтствѣ разсказы о томъ, что на горныхъ вершинахъ надъ ея жилищемъ многіе грѣшники мучаются вѣчнымъ холодомъ. Припомнила она всѣ сказанія и слухи объ этихъ неутомимыхъ тѣняхъ странствующихъ по глетчерамъ, вѣчно гонимыхъ ледя-

ными горными вѣтрами. И въ первый разъ почувствовала она невольный ужасъ къ горнымъ вершинамъ и она подумала, что хижина ея стоитъ слишкомъ высоко.

— А что если всѣ эти скользящіе по вершинамъ Альпъ тѣни да направятся къ глетчеру, она вѣдь тамъ совсѣмъ одинока. И при воспоминаніи объ одиночествѣ мысли ея приняли еще болѣе печальное направленіе.

— Старая Агнеса — заговорила она обращаясь сама къ себѣ, такъ какъ въ вѣчномъ одиночествѣ привыкла размышлять въ слухъ, — сидишь ты у себя бѣдная на верху и все прядешь, прядешь. Ни днемъ, ни ночью не знаешь ты покоя, чтобы только не умереть съ голоду. А развѣ нужна кому нибудь твоя жизнь? Кому нибудь нужна ты, старуха.

Вотъ если бы были живы твои домашніе, если бы ты жила внизу, въ деревнѣ, то, вѣрно кому нибудь ты и была бы нужна. Ты такъ бѣдна, что не могла бы держать ни кошки ни собаки, но хотя изрѣдка ты могла бы пріютить нищаго. Не слѣдуетъ тебѣ жить такъ далеко отъ людей, старуха! Если бы хотя разъ ты бы утолила жажду путника, ты все же знала бы, что не напрасно живешь на свѣтѣ.

Съ грустью подумала она, что крестьянки, дающія ей ленъ на пряжу и тѣ не пожалѣютъ объ ея смерти. Конечно, она старалась всегда исполнять свою работу добросовѣстно, но другія могли бы дѣлать ея и лучше. А когда она подумала, что господинъ пасторъ даже и не замѣтитъ, сидитъ-ли она или нѣтъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, то даже слезы показались у нея на глазахъ.

— Я и сейчасъ словно уже покойница—сказала она, — никто обо мнѣ не думаетъ; никому я не нужна. Я спокойно могла бы лечь здѣсь и умереть. Я за-

стыла отъ одиночества и холода. Мое сердце уже окоченѣло.

— Ахъ ты моя бѣдная, бѣдная — продолжала она, — а вѣдь и въ твоемъ сердцѣ нашлось бы еще немного тепла, еслибъ это кому нибудь понадобилось. Что же мнѣ дѣлать, вязать чулки дикимъ котамъ или готовить постель суркамъ? Прошу Тебя, — проговорила она, — поднявъ съ мольбой руки къ небу, — пошли мнѣ кого нибудь, о комъ мнѣ заботиться, или я лягу здѣсь и умру!

Въ эту минуту передъ ней появился высокій суровый монахъ. Видя, что она огорчена, онъ подошелъ къ ней, и она разсказала свое горе. Она сказала ему, что сердце ея замерзаетъ, что она сама скоро превратится въ тѣнь подобную тѣмъ, что говорятъ блуждаютъ по льдамъ глетчеровъ, если Господь не пошлетъ ей что нибудь, что дало бы смыслъ ея жизни.

— Богъ, конечно, не оставитъ тебя своей помощью — сказалъ монахъ.

— Но развѣ ты не видишь, что здѣсь наверху — Богъ безсиленъ? сказала старая Агнеса: — безсиленъ въ этой безжизненной, холодной пустынѣ...

Они подымались все выше и выше... Мягкій мохъ покрывалъ горныя склоны, альпійскія растенія раскидывали по сторонамъ свои волосатые листья, а вокругъ подымались высокія скалы съ пропастями и ущельями, ледяными полями и снѣжными глыбами и властно возвышались передъ ними, и, глядя на нихъ сжималось въ груди дыханіе... Монахъ взглянулъ на хижину, Агнесы, ютившуюся подъ самымъ глетчеромъ.

— А, — ты здѣсь живешь? — сказалъ онъ. Такъ ты совсѣмъ не такъ одинока какъ ты думаешь, ты окружена многочисленнымъ обществомъ. Посмотри!

И монахъ, сложивъ указательный палецъ съ мизинцемъ, поднесъ руку къ лѣвому глазу старушки и попросилъ ее взглянуть на гору. Но Агнеса задрожала и закрыла глаза отъ страха.

— О я не хочу видѣть, что тамъ дѣлается, — сказала она; — Господи спаси насъ, Господи, сохрани насъ и помилуй! Здѣсь страшное мѣсто.

— Ну въ такомъ случаѣ прощай, — сказалъ монахъ. — Другой разъ тебѣ этого увидать не придется.

Но старушкѣ уже стало любопытно, она открыла глаза и взглянула на снѣжныя поля. Сначала она не увидала ничего особеннаго, но потомъ мало-по малу она стала различать то, что тамъ происходитъ. Она увидала, какъ это бывало и ранѣе, бѣлые туманы, двигающіеся другъ другу на встрѣчу, но различила теперь, что то, что она принимала прежде за туманъ, облака и голубовато-бѣлые отсвѣты льда — то были толпы несчастныхъ непрощенныхъ грѣшниковъ, осужденныхъ на мученія въ вѣчномъ холодѣ.

Старушка дрожала отъ ужаса, какъ осиновый листъ. Все было именно такъ, какъ разсказывали старики. Въ невыразимой тоскѣ и страданіи блуждали тамъ умершіе. Большинство было окутано во что то длинное, бѣлое, но ноги у всѣхъ были босыя и головы непокрытыя.

Ихъ было безчисленное множество. И чѣмъ больше она вглядывалась, тѣмъ больше ихъ появлялось. Одни шли высоко, гордо поднявъ голову, другіе шатаясь и словно танцуя по льду, но у всѣхъ она видѣла, что ноги были въ кровь изрѣзаны о ледъ.

Все было именно такъ, какъ ей разсказывали въ дѣтствѣ. Она видѣла какъ они приближались другъ къ другу, какъ будто надѣясь согрѣться и снова расходились испуганные смертельнымъ холодомъ, исходящимъ изъ ихъ тѣлъ. Они, казалось, были про-

питаны снѣгомъ и туманомъ, и горнымъ холодомъ вѣяло отъ нихъ.

Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ стояли неподвижно, какъ окаменѣлые и, казалось, что стоятъ они такъ уже много лѣтъ, потому что на половину уже были занесены снѣгомъ и покрыты льдомъ.

Чѣмъ болѣе смотрѣла старушка, тѣмъ спокойнѣе, однако, становилось у ней на душѣ. Страхъ исчезъ изъ ея сердца и мѣсто его заняло состраданіе къ этимъ несчастнымъ. Не останавливаясь и ни на минуту не отдыхая, скользили они израненными ногами по острому, какъ отточенное лезвіе, льду. И какъ жестоко было имъ холодно, какъ дрожали они и стучали отъ стужи зубами! И тѣ, что стояли неподвижно, и тѣ, что безъ отдыха двигались, всѣ одинаково страдали отъ рѣжущаго, остраго и нестерпимаго холода.

Среди этихъ несчастныхъ было много и дѣтей. Но не было молодости въ ихъ посинѣлыхъ отъ холода лицахъ: казалось даже, что они играли, но радости не было въ ихъ весельѣ. Онѣ жались и дрожали отъ холода, какъ старики, въ то время, какъ ихъ ноги, казалось нарочно отыскивали самыя острыя льдины, чтобы ступить на нихъ. Но всего болѣе ей было жаль тѣхъ, что распростершись лежали на глетчерахъ или подобно льдинамъ висѣли по краямъ скалъ.

Монахъ отнялъ руку, и старая Агнеса вновь увидѣла лишь снѣжную пустыню и голыя ледяныя поля. Тяжелые сугробы снѣга виднѣлись тамъ и сямъ, но это уже не были окаменѣлые отъ стужи призраки. Голубоватый отблескъ глетчеровъ не исходилъ болѣе отъ замерзшихъ тѣлъ и вѣтеръ гналъ легкіе хлопья снѣга, а не духовъ. Но у нея не было сомнѣнія въ томъ, что она только что видѣла и она спросила монаха:

— Позволитъ ли мнѣ Господь сдѣлать что-нибудь для этихъ несчастныхъ?

— Когда же Господь запрещалъ любить, дѣлать добро, быть милосерднымъ и утѣшать несчастныхъ?— отвѣтилъ монахъ.

Сказавъ это, онъ ушелъ, а старая Агнеса поспѣшно вернулась домой, чтобы хорошенько обдумать все видѣнное. Весь вечеръ придумывала она, какъ бы помочь несчастнымъ, обреченнымъ на вѣчное скитаніе по глетчерамъ. О своемъ одиночествѣ ей уже думать не приходилось.

На утро она снова спустилась въ деревню. Но теперь она шла быстро и весело. Старость болѣе не тяготила ея.

Мертвымъ не нужны легкая поступь и румяныя щеки, они будутъ рады уже и тому, что кто нибудь тепло подумаетъ о нихъ. Молодые объ нихъ не вспомнятъ. И кто же будетъ охранять этихъ несчастныхъ отъ ужаснаго холода смерти, если и старые закроютъ для нихъ свои сердца?

Въ деревнѣ она зашла въ мелочную лавку и купила большую связку свѣчей, а потомъ заказала крестьянину возъ дровъ. Чтобы за все это заплатить, ей пришлось взять работы вдвое болѣе, чѣмъ обыкновенно.

Вечеромъ, вернувшись домой, она чтеніемъ молитвъ и пѣніемъ псалмовъ старалась поддержать свое мужество. Но ее начала одолѣвать робость. И все же она приступила къ тому, что рѣшила сдѣлать.

Она постлала себѣ постель во второй комнатѣ. А въ первой сложила дрова и зажгла ихъ. На окно поставила двѣ зажженныхъ свѣчи и распахнула настежъ двери хижины.

Потомъ легла въ темнотѣ и стала прислушиваться.

Да, это несомнѣнно были шаги. Слышалось ей,

какъ кто-то двигается по льдамъ глетчера. Кто-то неувѣренно приближался; слышались стоны; кто-то скользилъ около хижины, не рѣшаясь войти въ нее; вотъ онъ остановился у угла дома и стало слышно, какъ онъ щелкалъ зубами отъ холода...

Старая Агнеса не могла болѣе выносить этотъ ужасъ. Она вскочила съ постели, бросилась въ первую комнату, захлопнула дверь и заперла ее. Это было выше ея силъ. Никто не вынесъ бы этого... Около двери послышались тяжелые вздохи и шумъ робкихъ шаговъ израненыхъ, измученныхъ ногъ. Шаги эти стали отдаляться дальше и дальше, туда, ко льдамъ глетчеровъ. По временамъ издалека доносились рыданія. Скоро все стихло.

Тогда старая Агнеса опять пришла въ себя.

— Какая же ты трусиха, старая вѣдьма, — сказала она себѣ. Дрова горятъ и дорогія свѣчи тоже. Неужели все это пропадетъ напрасно изъ-за твоей глупой трусости?

И она снова встала и сдерживая слезы, стуча зубами и дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха, вышла въ переднюю комнату и отворила дверь.

Она опять легла и стала ждать. Теперь ей уже не было страшно, что они придутъ. Она лежала и безпокоилась только, что они не рѣшатся снова вернуться, что она спугнула ихъ.

И она начала кричать въ темноту и скликать ихъ, какъ дѣлала въ дни юности, когда стерегла стада.

— Бѣлые, маленькіе ягнятки, сюда, сюда! Идите сюда изъ ущелій и пропастей, мои бѣлые, маленькіе ягнятки!

И вотъ словно порывъ вѣтра пронесся со скалъ и ворвался въ хижину. Не было слышно ни шаговъ, ни вздоховъ, только свистъ вѣтра, который кружился

и гудѣлъ кругомъ хижины. И казалось, что кто-то безпрерывно шепталъ:

— Шш... шш..., не пугайте, не пугайте.

Чудилось ей, что сосѣдняя комната до того переполнена, что они жались по стѣнамъ и едва не проникали къ ней. Казалось ей иногда, что они даже хотятъ поднять крышу, чтобы было больше мѣста. И все время все же кто то непрестанно шепталъ: Шш... шш... не пугайте, не пугайте ее!

И старая Агнеса почувствовала себя счастливой и спокойной. Она сложила руки и заснула.

На утро показалось ей, что все это было сномъ. Въ передней комнатѣ все было попрежнему. Дрова и свѣчи сгорѣли и въ подсвѣчникахъ не осталось ни капли сала.

. . .

И всю свою остальную жизнь старая Агнеса не переставала заботиться о несчастныхъ покойникахъ. Она усиленно пряла и трудилась, чтобы огонь не угасалъ ни на одну ночь. И она была счастлива, потому что знала, что она кому то нужна.

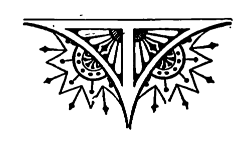
И вотъ наступило воскресенье, когда она не явилась на свое обычное мѣсто въ церкви. Нѣсколько крестьянъ поднялись къ ней въ хижину узнать, что съ ней. Они нашли ея уже мертвой и снесли внизъ ея трупъ, чтобы похоронить его.

Немного народу провожало гробъ старой Агнесы, когда ее хоронили въ слѣдующее воскресенье передъ обѣдней. И никто не грустилъ о ней. Но въ ту минуту, когда гробъ должны были опустить въ могилу къ нему подошелъ высокій суровый монахъ и указалъ на снѣговыя вершины Альпъ. И всѣ стоящіе у могилы, увидѣли, что всѣ Альпы были залиты нѣжнымъ розовымъ свѣтомъ, словно они свѣтились радостью, а надъ ними колебались маленькіе желтые

язычки пламени, какъ отъ зажженныхъ свѣчъ. И этихъ свѣчей было такъ же много, какъ тѣхъ, которыя покойница зажигала для грѣшныхъ душъ.

Тогда люди заговорили:

— Да будетъ благословенъ Господь. Та, о которой здѣсь никто не печалится, нашла себѣ друзей въ своемъ великомъ одиночествѣ тамъ наверху.

Скорбная правда.

Послѣ пережитыхъ ужасовъ и пораженій, среди оглушающаго вопля „новой“ литературы, забывшей все, до способности членораздѣльно выражаться, казалось бы трудно, почти невозможно овладѣть общественнымъ вниманіемъ, заставить чутко вздрогнуть общественную совѣсть. А между тѣмъ это сдѣлано. Сдѣлано это человѣкомъ, который доселѣ не принадлежалъ къ литературному лагерю, но скорбный ужасъ пережитаго и переживаемаго, безысходныя потемки будущаго вложили въ его руку перо, глубокая искренность и жгучая правда, сквозящія въ каждомъ словѣ сдѣлали его книгу властнымъ призывомъ, не дающимъ возможности успокоиться тому, кто хотя разъ взглянулъ на ея залитыя горемъ и ужасомъ страницы. Прочтите „Наше Преступленіе“ И. А. Родіонова, если вы не читали этой были, потрясающей, какъ горячечный бредъ; а если читали— задумайтесь надъ нею еще разъ, и много разъ; жизнь дѣлается нами самими, и нельзя же не знать, стыдно не понимать, что нужно дѣлать сейчасъ, сію минуту, не откладывая, не ожидая, что кто-то или что-то за насъ уврачуетъ наши язвы, перевяжетъ наши раны и вымететъ заразу изъ нашего дома.

„Эту книгу я писалъ съ единственной мыслью, съ единственной цѣлью — обратить вниманіе русскаго образованнаго общества на гибнущихъ меньшихъ братьевъ. Народъ спился, одичалъ, озлобился, не умѣетъ и не хочетъ трудиться... Народъ брошенъ и, безпомощный, невѣжественный, предоставленъ собственной бѣдной судьбѣ. Если во время не придти къ нему, то исходъ дикъ — бездна, провалъ, дно. Пора тѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ, въ комъ бьется горячее русское сердце, приняться за лихорадочную созидательную работу. Понесемъ туда „въ глубину Россіи“ миръ, и свѣтъ, и знанія“...

„Все, что описано здѣсь, взято цѣликомъ изъ жизни. Я нигдѣ не давалъ простора собственной фантазіи, не сгущалъ красокъ, но и не смягчалъ ихъ. Для меня важна была только одна правда, объ остальномъ я не заботился“ — такъ говоритъ Родіоновъ въ предисловіи къ своей книгѣ, и дальнѣйшія страницы ея убѣждаютъ, что сказано это искренне и отъ всей души. Глубоко негодуя на звѣрство, разнузданность, грубость деревенскаго люда, съ захватывающею полнотою и любовью г. Родіоновъ въ озвѣрѣвшихъ и внѣшне заскорузлыхъ людяхъ умѣетъ показать живую человѣческую душу, изумительную деликатность и нѣжность чувства и ясный, неподкупный голосъ совѣсти. Но, чѣмъ свѣтлѣе эти проблестки, тѣмъ тяжелѣе и ужаснѣе общая тьма и хаосъ, задавившіе жизнь нашего деревенскаго люда.

Само повѣствованіе г. Родіонова очень просто и несложно съ точки зрѣнія уголовной хроники: деревенскіе парни, развращенные и пьяные, освободившіеся отъ всѣхъ требованій совѣсти, знающіе только, вѣчно жаждущее водки, свое нутро и дикіе порывы ничѣмъ неограничиваемаго озорства, изъ мести за отобранную у одного изъ нихъ арендную землю, а

главное изъ зависти къ домовитому, честному, отличному семьянину, своему односельчанину Ивану Кирильеву, тоже молодому парню, предательски гнусно убиваютъ его по дорогѣ въ свое село изъ уѣзднаго городка.

Случай изъ самыхъ обыкновенныхъ и, увы, столь привычныхъ для насъ. Но вся обстановка убійства, разруха двухъ семей, выбитыхъ изъ колеи смертью работника и кормильца, судорожные порывы мужиковъ, забитыхъ невѣжествомъ, оглушенныхъ водкой, одурманенныхъ беззащитностью, потворствомъ всему дикому и разрушительному со стороны либеральничающихъ судей, оправданіемъ убійцъ, благодаря талантливымъ стараніямъ купленнаго за 500 рублей адвоката — все это написано кистью широкою и смѣлою, орошено горькими слезами обиды за жизнь и стыдъ, за безсиліе — и огненными чертами вырѣзается на сердцѣ...

Дѣйствіе начинается въ небольшомъ городкѣ, и первое впечатлѣніе то, что „Казенныхъ и мѣстныхъ кабаковъ тутъ на каждой улицѣ изобиліе“

Родная картина!

„Ближняя казенная винная лавка, та самая, около которой, выслѣживая Ивана, недавно остановились парни, находилась всего въ двухстахъ шагахъ отъ кузницы (куда зашелъ Иванъ по дѣлу). Это былъ новенькій свѣжекрашеный желтосѣрый двухъэтажный деревянный домикъ. Двери и переплеты оконныхъ рамъ били въ глаза своего бѣлизной; стекла были новыя, большія, свѣтлыя; крыша ярко, зеленая; крыльцо въ четыре широкихъ ступени, сколоченныя изъ новыхъ тесаныхъ досокъ, защищались отъ непогоды навѣсомъ, поднятымъ на точеные столбики.

„Среди грязно-сѣрыхъ, хмурыхъ, подслѣпова-

тыхъ мѣщанскихъ домишекъ онъ высматривалъ, какъ разряженная въ пухъ и прахъ кокотка въ толпѣ неимущихъ бѣдняковъ; фасадомъ онъ стоялъ наискось къ улицѣ“

„При взглядѣ на него приходила въ голову фантастическая мысль, что домикъ, устыдясь своего позорнаго ремесла, отвернулъ размалеванное, пристыженное лицо свое отъ неумытыхъ, но почтенныхъ сосѣдей въ грязный, заброшенный закоулокъ и уперся сконфуженными глазами въ прогнившую, облѣпленную зелеными лишаями глухую стѣну кособокаго, безъ крыши, съ торчащими стропилами, амбара. И, казалось, нѣтъ ему другого, болѣе радостнаго вида, какъ вѣчно торчащій гнилой амбаръ, да у собственнаго порога кровопролитныя драки озвѣрѣвшихъ отъ перепоя мужиковъ, и казалось, никогда онъ ничего иного не услышитъ кромѣ непрестанныхъ выкриковъ да рѣжущей непривычное ухо, какъ ударъ кнута, мерзкой ругани, въ какой отводитъ свою безстыдную темную душу, опустившійся ниже скота, разнузданный, спившійся русскій человѣкъ“.

„О эти свѣтлые домики съ вывѣсками „распивочно и на выносъ, торгующіе свѣтлою влагой, сотни тысячъ васъ, какъ капкановъ на звѣрье, разставлено по всей необъятной шири великой земли и слѣпо идетъ къ вамъ православный людъ, идетъ толпами, идетъ и старъ и младъ и уже тащитъ за хвостомъ своимъ и женщинъ и дѣтей подростковъ и на свѣтлую влагу, на божье тяжкое забвеніе промѣниваетъ свой достатокъ, свое счастье, свое здоровье, часто жизнь и все будущее своего рода, а отъ васъ разноситъ буйство, пожары, преступность по роднымъ деревнямъ, нивамъ, лѣсамъ и дорогамъ и не оставляетъ во всей великой, прекрасной землѣ ни единаго уголка, не огаженнаго сквернословіемъ, ни еди-

наго дѣтскаго уха, не оскорбленнаго цинизмомъ мерзостной рѣчи... Да, придетъ время, да проклянетъ васъ русскій человѣкъ, когда, очнувшись отъ тяжкаго похмелья, наконецъ, пойметъ, какъ изуродовали вы его богоподобный обликъ, опоганили опустошили и сокрушили его крѣпкую душу, и въ какую невылазную бездну, низринули его. Не добрымъ словомъ вспомянетъ онъ и тѣхъ, кто васъ выдумалъ, чьимъ властнымъ мановеніемъ руки вы изъ ничтожества возникли, подъ чьимъ рачительнымъ попеченіемъ и покровомъ вы выросли и окрѣпли на горе, раззореніе, позоръ и гибель великаго, взысканнаго Божьими дарами, но невоздержнаго племени"

„Очнется народъ и, указывая на васъ скажетъ: Вотъ гдѣ, вотъ въ этихъ свѣтлыхъ домикахъ моя гибель. Пожаромъ бы вамъ всѣмъ давно побраться и не возстать никогда уже болѣе изъ пепла!"

„Очнется народъ, но не поздно ли? Не для того ли только и очнется, чтобы горестно покачать головой, оглянуться назадъ померкшими очами и, какъ стоящій одной ногой въ гробу старецъ, жизнь котораго прошла пьяно и позорно, сказать себѣ: „пропадай, моя телѣга, съ ней четыре колеса!"... А потомъ, махнувъ рукой на себя и на все остальное, быть можетъ къ вамъ же, свѣтлые домики, поплетется на послѣдній грошъ покупать послѣднее забвеніе"...

„Да и очнется ли, не погибнетъ ли, какъ неразумное животное, до конца не сознавъ причины своей гибели?"

„Кто отвѣтитъ на эти вопросы?"

Горькіе вопросы ставитъ Родіоновъ и отвѣчаетъ на нихъ рядомъ картинъ, леденящихъ душу: звѣрское убійство Ивана, больница, переполненная битыми, искалѣченными людьми, отупѣвшіе отъ этого кошмара люди.

Но въ сценѣ убійства, въ картинкахъ больничной жизни и нравовъ поражаютъ гибель жизни и здоровья. Авторъ даетъ еще болѣе страшную картину умершей, погибшей души человѣческой, въ живомъ здоровомъ человѣкѣ. Вотъ двѣ характернѣйшихъ сцены:

Парни-убійцы сидятъ подъ арестомъ по требованію судебнаго слѣдователя и разсуждаютъ о происшедшемъ: „Вотъ будетъ штука, робя, ежели Ванюха атчихнетъ.... Тогда бѣда... не отвиляешься...—' сказалъ Ларіоновъ“.

На минуту парни примолкли; лица ихъ выражали не свойственную имъ серьезную озабоченность. Наконецъ, Сашка мотнулъ головой. „Что, молъ, вздоръ-то городишь!“

„Не такъ-то мы его обработали“.... хвастливо протянулъ Лобовъ. „Ужъ ежели кто къ намъ въ передѣлку попадетъ, такъ не атчихнетъ. Навѣрно подохъ теперь“.....

Рыжова взорвало, и хотя онъ только что рѣшилъ не вмѣшиваться въ разговоры, тутъ не утерпѣлъ.

— „Небось, не собака ёнъ. Што ему подыхать? Собака дохнетъ, а человѣкъ помираетъ“, — наставительно замѣтилъ онъ.

„А не все ли равно, што человѣкъ, што собака?“ поспѣшно спросилъ Лобовъ, живо переворачиваясь на нарахъ со спины на бокъ, лицомъ къ Рыжову.

„Извѣсно, все едино“, — подтвердилъ Сашка. „Одинъ чортъ.... подохнутъ, одна падаль останется“

„Нѣтъ, не все едино: у человѣка-то душа, а у собаки души нѣту-ти“....

— „А ты видалъ человѣчью душу?“ возбужденнымъ голосъ опять поспѣшно спросилъ Лобовъ.

„Душу никто не видалъ. Богъ ее даетъ, Богъ и отнимаетъ“.

А ты Бога видалъ?“ уже съ азартомъ приставалъ Лобовъ.

Это былъ его конекъ. Въ деревнѣ за кощунственныя и богохульныя рѣчи его прозвали „блажнымъ“.

— Бога никто не видалъ.

— Такъ и не говори, разъ не видалъ. Нѣтъ Бога. Какой тамъ Богъ? Разъ не видалъ никто, значитъ Его нѣтути. Нонче только дураки въ Бога вѣрятъ.

— А тебя кто создалъ?

— Батька съ маткой на постели приспали...

Вотъ кто.... употребивъ непечатное ругательство, отвѣтилъ Лобовъ.

Взрывъ одобрительнаго хохота покрылъ его слова.

— Да ты чего, Өедоръ, — вставилъ свое замѣчаніе Сашка, ты думаешь, живешь-живешь, ѣшь-пьешь, помрешь, и еще потомъ твоя душа жить будетъ?

— А какъ же. И отвѣтъ Богу за свои дѣла понесу“...

— Вотъ што собака, што мы всѣ, подохнемъ и дѣлу конецъ...

— Никакого Бога, никакой Божьей Матери нѣтъ... Ѣшь, пей, гуляй съ дѣвками, веселись всласть, вотъ и все, братцы! — говорилъ Лобовъ и, упоминая имя Божьей Матери, онъ разражался такими кощунственными словами, что парни ржали отъ удовольствія, а Рыдлову становилось страшно и жутко....

Другая сцена еще выразительнѣе и характернѣе. Слѣдователь, не найдя достаточныхъ уликъ противъ убійцъ, выпускаетъ ихъ на свободу. Возвращаясь домой, на дорогѣ они догоняютъ телѣгу, на которой родные убитаго ими Ивана везутъ его тѣло изъ больницы домой для погребенія. За телѣгой идутъ мать, братъ, дѣвочка, сестра покойнаго и жена.

— Парни, догнавъ печальный поѣздъ, присми-

рѣли и шаговъ съ десятокъ прошли молча сзади бабъ. Наконецъ Сашка, подмигнувъ своимъ товарищамъ, поровнялся съ плечомъ Акулины (мать убитаго).

Бабы давно уже видѣли парней, но дѣлали видъ, что не замѣчаютъ ихъ.

— Кого это везешь, тетка Акулина, Ванюху своего, што-ли?—съ степеннымъ выраженіемъ въ лицѣ спросилъ Сашка, въ знакъ привѣтствія дотрагиваясь рукой до своей фуражки.

— Да, его... кого же больше?

— Та-акъ...

Наступило недолгое молчаніе.

— Померъ, значитъ?

Акулина смахнула слезу.

— Живыхъ въ гробъ не кладутъ, Сашенька! — отвѣтила она.

Сашка, опустивъ голову, зашагалъ рядомъ съ нею. Парни молча слѣдовали за бабой и Сашкой. Катерина (жена убитаго) сурово глядѣла изподлобья прямо передъ собой, намѣренно не обернувшись ни разу къ ненавистнымъ спутникамъ. Около ея юбки, не отставая ни на шагъ, держалась Маша. Такъ въ молчаніи прошли еще нѣсколько шаговъ.

— Ему хорошо таперича, вашему Ванюхѣ то. Што ему? Лежитъ себѣ спокойно, никакой заботы не знаетъ, а мы сколько черезъ его этой самой муки приняли!—первымъ нарушилъ неловкое молчаніе Лобовъ и, видимо, началъ говорить онъ серьезно, но вдругъ ротъ у него дрогнулъ и все подвижное, наглое лицо его стало перекашиваться отъ невольной усмѣшки. Онъ хотѣлъ подавить свою смѣшливость, но, взглянувъ на товарищей, не выдержалъ и расхохотался.

— Чего ты, чортъ?—вполголоса строго сказалъ Сашка, оглядываясь на пріятеля, но и самъ тотчасъ же

сталъ кусать губы, потому что непреодолимая сила распирала ему ротъ.

Видя, что ему уже не выдержать, потому что Лобовъ, нагнувшись, хохоталъ до слезъ, Сашка отвернулся и бросился къ парнямъ. Внезапная смѣшливость Лобова и Сашки заразила и остальныхъ двухъ товарищей.

Отвернувшись отъ бабъ и схвативъшись за животы, парни прыскали и надрывались отъ беззвучнаго душившаго ихъ смѣха.

Акулину возмутило это веселье убійцъ.

— Штой то не видно по васъ, штобы вы столько муки приняли?—сказала она.—Видно васъ оправдали, што идете такіе веселые, а намъ ужъ никогда не воротить... никогда не увидать живого и здороваго нашего кормильца Ванюшку...

Акулина не выдержала и заплакала.

— Чего? всѣ тамъ будемъ... промолвилъ Сашка, съ усиліемъ оправляясь отъ смѣха.

— А какъ же не муки, тетка Акулина, безвинно страждать? —перебилъ Сашку Лешка Лобовъ, догнавъ бабъ и идя на полшага позади нихъ.

Все его безусое, озорное лицо подергивалось отъ откровенной, наглой усмѣшки, которую онъ уже не намѣренъ былъ скрывать. Наоборотъ, ему хотѣлось поговорить и потѣшить себя и товарищей.

— Кто его убилъ, неизвѣстно, можетъ, пьяный самъ упалъ какъ и размозжилъ себѣ голову объ камни, а мы вотъ въ отвѣтѣ. Насъ по судамъ, да по острогамъ таскаютъ, казенныхъ вшей да клоповъ своимъ тѣломъ да кровью питаемъ...

Парни расхохотались гораздо откровеннѣе прежняго.

— Лешка, чортъ, уморилъ, будетъ!—вполголоса уговаривалъ Горшковъ...

— „Э,—э, нехристи вы... хреста на шеи нѣту-ти. Убили человѣка и надъ гробомъ его насмѣхаетесь, безотцовщина несчастная“... укоризненно покачивая головой, сказала Акулина.

— „Мамынька, не связывайся съ ими, брось. Пущай... собака лаетъ, вѣтеръ носитъ,— сказала Катерина.

— „Оскобно, доченька. Нельзя спущать такимъ... такимъ. непутевымъ... такимъ негодяямъ“, уже внѣ себя отъ гнѣва и безсилія, заливаясь слезами, выговаривала Акулина. „И Господь милосердный терпитъ это и не накажетъ этихъ злодѣевъ... какъ только земля носитъ, не провалится подъ ими, подъ такими негодными. Вѣдь они хуже псовъ. Никакая собака не сбрешетъ того, что они тутъ... надъ тѣломъ... надъ тѣломъ... надъ покойникомъ“

У Акулины перехватило духъ; она истерично зарыдала и, ухватившись рукой за край телѣги, съ усиліемъ передвигала ноги.

У Лобова разгорѣлись и заискрились и безъ того блестящіе озорные глаза. Въ этотъ моментъ онъ воистину походилъ на блажного.

— „Ну, ну, ты не очень то ругайся, старая сука, а то и тебя недолго придушить“ Но тутъ онъ запнулся. Ишь, Бога вспомнила сволочь! Я тебѣ Богъ, а ежели мало, такъ и Богородица въ придачу. Што-о?!“

При этомъ онъ съ захлебываніемъ выплюнулъ мерзѣйшее ругательство, за нимъ другое, третье, четвертое... одно возмутительнѣе и гаже другого.

— „Вотъ какъ... што? спужались?“

Акулина всплеснула руками. Маленькая Маша сѣменила бокомъ, дико оглядываясь на парней и крѣпко укрѣпившись за полу короткой пальтушки Катерины. Въ ея худенькомъ, поблѣднѣвшемъ личикѣ и осо-

бенно въ одичавшихъ отъ испуга глазахъ выражался смертельный ужасъ.

— „Нѣту никакого Бога. Вотъ какъ... Я вашъ Богъ, молитесь и прикладывайтесь къ моему... одинъ сортъ будетъ!“ съ тѣмъ же азартомъ, точно мстилъ своему кровному обидчику, выкрикивалъ Лобовъ и выразительнымъ жестомъ руки указывалъ одно непристойное мѣсто своего тѣла.

Онъ видимо пьянѣлъ отъ своего богохульства и сквернословія и, какъ человѣкъ, покатившійся съ горы, чѣмъ ниже спускается по наклону, тѣмъ катится быстрѣе и быстрѣе, и если бы даже захотѣлъ остановиться, сдѣлать этого не въ силахъ, пока не докатится до самаго дна, такъ и Лобовъ, разъ начавъ, уже неудержимо выплевывалъ мерзость за мерзостью.

— „Вотъ гдѣ у меня Богъ запрятанъ. Прикладывайтесь, прикладывайтесь, покудова не тѣсно... Не препятствую... Чего же глядите, сволочи, шлюхи?“

И онъ, забѣжавъ впередъ и обернувшись къ бабамъ, вплотную напиралъ на нихъ, растегивая штаны.

— „Вотъ какъ я... ну?“

Акулина ахнула и попятилась. Маша вдругъ оторвалась отъ пальтушки Катерины, и раскричавшись, вся дрожа, съ искривленнымъ, сплошь смоченнымъ слезами лицомъ, съ безпомощно ростопыренными ручонками, закружилась, какъ волчокъ, не зная, куда ей дѣваться.

Катерина схватила ополоумѣвшую дѣвочку лѣвой рукой и привлекла ее къ себѣ. Лицо ея поблѣднѣло; глаза горѣли; ноздри вздрагивали. Казалось, она только-что проснулась.

— „Поди прочь, басурманъ, арестантъ!“ крикнула она на напиравшаго Лобова.

Толстая, крѣпкая палка, бывшая въ правой рукѣ Катерины, неожиданно просвистала надъ самой го-

ловой озорника. Лобовъ едва успѣлъ отклонить голову и повернуться задомъ къ Катеринѣ.

Увѣсистый ударъ пришелся оскользью по спинѣ парня. Тотъ охнулъ, упалъ на одно колѣно и испуганно оглянувшись, бросился бѣжать"...

Черезъ нѣсколько минутъ парни оправились и, забѣжавъ впередъ гроба съ дикими завываніями, пустились въ плясъ подъ звуки гармоники...

Таковъ гнойный, омертвѣвшій отбросъ современной деревни, но это не вся деревня. Въ ней есть живыя силы и живыя души. Но онѣ разрознены, задавлены и безпомощны.

Катерина, не желающая бросать старуху свекровь послѣ смерти мужа; ея братъ Леонтій, звѣрски избивающій сына изъ боязни озорства, и умилительно нянчающій грудныхъ ребятъ—дѣтей помѣшавшейся отъ горя Катерины; старикъ отецъ ихъ, умирающій съ простотою и глубокимъ смиреніемъ, столь свойственнымъ православному человѣку—ихъ цѣлый рядъ выведенъ Родіоновымъ. Выведены и обрисованы они жизненно и правдиво безъ всякой слащавости, какъ живые, со всѣми ихъ достоинствами и недостатками.

Но Сашки, Лобовы и К° объединены около кабака, связаны узами наглости и злобы, защищены слабостью уликъ для формальнаго и внѣшняго суда. И много ихъ, этихъ Сашекъ и Лобовыхъ не только въ темной деревнѣ, но и въ „цивилизованныхъ" и просвѣщенныхъ городахъ, во всѣхъ слояхъ нашего несчастнаго общества, завороженнаго дьявольскимъ дыханіемъ, ворвавшимся въ нашу жизнь.

Злыя и темныя силы объединены, — а тѣмъ, въ комъ искра Божія не угасла — они одиноки и безпомощны, они слабы разрозненностью и оттѣснены на второй планъ.

Г. Родіоновъ особенно упираетъ на два пункта—

казенка и слабый, фальшиво гуманный судъ—вотъ главнѣйшія изъ золъ. Но его талантливая книга говоритъ фактами и жизненной правдой больше, чѣмъ подчеркиваетъ ея авторъ.

Уничтожьте водку и введите строгій судъ, и вы окажете значительную, но внѣшнюю помощь внутреннему злу. Нужно выправить, пріютить и обогрѣть душу народную.

Но гдѣ и какъ?

Школа? Но школа, да еще сельская, она едва вмѣщаетъ ребятъ, для парней въ ней уже нѣтъ мѣста и нѣтъ средствъ, а пожилымъ—самому лучшему элементу деревни и наиболѣе теперь нуждающемуся въ поддержкѣ, тамъ и совсѣмъ нѣтъ мѣста. Да школа если и дастъ—то только знаніе, только каплю свѣта для ума, но не успокоетъ сердца не ободритъ волю не дастъ взаимной поддержки, не разбудитъ и не удержитъ на высотѣ чуткости голоса совѣсти.

Нужна организація жизни, организація добрыхъ силъ, совмѣстная работа живыхъ душъ. Эта организація была, но мы забыли ее, оставили себѣ имя, а самую суть и корень дѣла постыдно и преступно оставили, какъ воспоминаніе прошлаго. Г. Родіоновъ рисуетъ свои потрясающія картины изъ быта христіанской страны, изъ жизни православной русской деревни. Да, православной—крестившейся въ родномъ храмѣ, подъ его священной сѣнью, но не объединенной и не устроенной, какъ христіанское общество.

Все у насъ есть: вѣра святая, апостольская, святыни, историческія великія, храмы благолѣпные, сонмъ пастырей церковныхъ, души живыя отзывчивыя, благостнымъ трепетомъ отвѣчающія на призывъ къ свѣту и добру, на голосъ Христовъ — но нѣтъ устроенія жизни во Христѣ, нѣтъ строя общественнаго около церкви и въ живомъ общеніи съ нею.

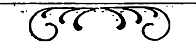
Когда то, въ незапамятныя времена иного общественнаго устроенія, какъ церковный приходъ, не знала Русь; и была она Русью святою, жила жизнью крѣпкою, дѣтей воспитывала въ страхѣ Божіемъ и послушаніи голосу совѣсти, и всякія скорбь и горе утолялись за церковною оградой. А нынѣ брошена Русь на произволъ стихій, на порокъ и разграбленіе демонскимъ силамъ, пьющимъ ея кровь, выматывающимъ и изсушающимъ ея душу. И мечется она между кабакомъ и тюрьмою, развращается молодежь, изнываютъ отъ безысходной тоски не забывшіе Бога не потерявшіе совѣсти.

Несите въ народъ свѣтъ знанія, вводите строгій нелицемѣрный судъ, но самое главное, неотложно нужное — устройте и организуйте его за церковной оградой, подъ благодатною сѣнью Креста Христова.

Наше преступленіе, что этого нѣтъ доселѣ и нашъ смертный грѣхъ, если этого не будетъ въ ближайшемъ будущемъ.

Прочтите книгу г. Родіонова она заставитъ вздрогнуть вашу душу и укажетъ бездну, на краю которой мы стоимъ, и путь спасенія пусть подскажетъ каждому его христіанскій разумъ и совѣсть.

Г. Никаноровъ.

Съ натуры.

Кирюшка сегодня въ волненіи. Въ первый разъ онъ будетъ читать „Апостола". А народу будетъ много; праздникъ большой, все село придетъ! Онъ тщательно приглаживаетъ и примазываетъ свои бѣлорусые, густые волосы.

— Мама, рубашку-то оправь, — дѣловито обращается онъ къ матери.

— Охъ, ужъ и чтецъ!—раздается съ печки насмѣшливый голосъ его сестры, — чать думаетъ ни вѣсть какой онъ важный станетъ, какъ прочтетъ „Апостола".

— Да, важный! А ты вотъ сама-ка прочти! — густымъ альтомъ сердито огрызается Кирюшка. Но мысли его тотчасъ-же обращаются къ предстоящему чтенію.

— Не опоздать-бы мнѣ выйти,—думаетъ онъ,— Анна Семеновна наказывала, какъ запоютъ тропарь, такъ ваточникъ скидовай, а какъ по второму запоютъ „Елице", такъ выходить.

Сердце у него екнуло при мысли о выходѣ. Онъ представилъ себѣ, какъ онъ тихонько выйдетъ и подыметъ книгу, „какъ Анна Семеновна учила, высоко" — и какъ громко, громко начнетъ. „Эхъ, кабы

только ростомъ побольше быть, думаетъ мальчикъ и заглядываетъ въ осколокъ зеркала, висящій въ простѣнкѣ.

— Гляди-кось, гляди-кось“, — опять смѣется Кирюшкина сестра. — Кирька-то въ зеркало смотрится. Какъ-же этакому красавцу не поглядѣться!

— Чего пристаешь къ мальченкѣ, дура? — обрываетъ ее мать.

— Не замай! — кричитъ ей и братишка. Однако, смотрѣніе въ зеркало не удалось. Мальчикъ увидалъ только намазанные волосы, да черные, какъ угольки, глаза.

— Эхъ, ростомъ не вышелъ! — сокрушенно подумалъ онъ, не подозрѣвая, что именно, благодаря его крошечному росту, учительницѣ и понравилась мысль выпустить его читать въ церкви.

На видъ ему было не больше семи лѣтъ, въ дѣйствительности — десять. Коротенькій, но стройненькій, съ круглыми щеками и открытымъ взглядомъ черныхъ глазъ, онъ производилъ впечатлѣніе необыкновенно привлекательное. Всякому, кто видѣлъ его, непремѣнно хотѣлось потрепать его за щеки, погладить по головѣ или какъ-нибудь иначе приласкать. Любили его и въ селѣ за то, что онъ былъ, по убѣжденію старшихъ, — „хоша и бойкій, а не озорникъ“.

— Слышь, у насъ Кирька-то сегодня апостольникомъ будетъ, — шутили пѣвчіе, гурьбой направляясь къ церкви.

— А какъ же ты, аль не будешь пѣть съ нами?

— На што не буду? — бойко отвѣчаетъ Кирюшка, — какъ тропарь запоютъ, я раздѣнусь, да и айда-пошелъ съ клироса.

— Ишь, больно ты боекъ, какъ еще прочтешь!

— Небось!

Но вотъ они и въ церкви. Учительница, вооруженная камертономъ, наклоняется къ Кирюшкѣ и, волнуясь сама, шепчетъ чуть не въ сотый разъ:

— Осторожнѣе переворачивай книгу, когда прокименъ прочтешь; заложи палецъ на мѣстѣ чтенія, слышишь?

Мальчикъ слушаетъ внимательно и утвердительно качаетъ головой.

Пропѣты первые антифоны, прошла эктенья. Раздается входный возгласъ.

Раздѣвайся, — шепчетъ мальчику Анна Семеновна, торопливо задавая тонъ. Кирюшка порывисто сдергиваетъ рваный ваточникъ и, обдергивая рубашку послушно — выжидательно смотритъ на учительницу. Хоръ тихонько и протяжно запѣваетъ: „Елице во Христа креститеся“

Кирюшка, сорвавшись съ мѣста, тянется къ аналою за большимъ, краснымъ кожанымъ „Апостоломъ“. Анна Семеновна схватываетъ его за плечо.

— Рано еще, — между пѣніемъ, шепчетъ она ему.

Онъ испуганно-вопросительно вскидываетъ на нее глазами. Наконецъ, почувствовавъ легкій толчекъ въ плечо, мальчикъ двинулся.

Замеръ послѣдній аккордъ. Изъ алтаря раздались возгласы священника и дьякона. Кирюшка развернулъ громадную книгу и звонко въ „че“ началъ: „Прокименъ гласъ седьмый!“ На клиросѣ все двинулось; и большіе и малые хотѣли заглянуть, какъ Кирька читаетъ. Одинъ изъ теноровъ, открывъ ротъ, съ умильной улыбкой уставился на него чрезъ плечо дисканта. Только Кирюшкина сестра, та, что дразнила его по-утру, стояла, какъ вкопанная, не сводя глазъ съ учительницы.

Анна Семеновна съ трудомъ заставила зазѣвавшихся пѣвчихъ начать прокименъ.

Кирюшка, закрывъ книгу, высоко поднимаетъ ее и еще громче прежняго восклицаетъ: „Ко евреямъ посланіе святаго апостола Павла, чтеніе“

Въ заднихъ рядахъ молящихся начинаютъ двигаться и, заглядывая, впередъ, спрашиваютъ другъ друга:

— Гдѣ читаетъ?

— Что это никого не видать?

— Маленькій больно, не видать.

— А мамыньки! Никакъ, Кирька?!

Мать Кирюшки стоитъ, слегка наклонивъ голову и чуть всплескивая руками, приговариваетъ: „миленькій, родненькій!“ а затѣмъ истово крестится...

Однако, наступаетъ страшный моментъ. Кирюшка опустилъ книгу и старается раскрыть ее, но огромная толстая корочка никакъ не поддается его маленькимъ рукамъ. Дьяконъ уже возгласилъ; „Вонмемъ“, Кирюшка добросовѣстно началъ протяжно и глухо: „Братіе-е“, а затѣмъ молчокъ. Весь клиросъ замеръ въ волненіи. Кирюшка мотаетъ головой, въ знакъ затруднительнаго положенія, но не теряется. Недолго думая, опускается онъ на ступеньку амвона и, развернувъ книгу на колѣняхъ, спокойно поднимаетъ ее, благополучно продолжая чтеніе.

„Забранитъ, аль не забранитъ?“ — думаетъ Кирюшка, возвращаясь на клиросъ, и, чтобы скорѣе узнать свою участь, встаетъ прямо подъ руку Анны Семеновны и уставляется ей въ глаза, ища ея взгляда. Учительница, посмотрѣвъ на него, невольно улыбается и, качая головой, слегка треплетъ его по щекѣ. Кирюшка съ облегченіемъ глубоко-глубоко вздыхаетъ и, фыркнувъ носомъ, усердно принимается пѣть.

Обѣдня кончилась. Прихожане расходятся. Немного запоздавшій Кирюшка, нагоняя пѣвчихъ, съ торжествомъ говоритъ.

— Батюшка гривенникъ мнѣ далъ! За чтеніе далъ!

День его полонъ разнообразныхъ впечатлѣній! дома вкусные пироги, ватрушки; на улицѣ игра въ снѣжки, катанье съ горы. Но мысль о первомъ чтеніи, все-таки, не выходитъ у него изъ головы. Набѣгавшись и наигравшись до-сыта, онъ приходитъ вечеромъ усталый и довольный. Взобравшись на полати и скинувъ мокрую отъ снѣга одежду, онъ ложится животомъ внизъ и, уставившись на лампу, принимается мечтать.

— Какъ выросту, въ стихарѣ читать, въ золотомъ... басомъ. Какъ выйду, да ахну первое слово, всѣ задивуются: „откуда-де этакій голосина взялся?" А какъ подъ конецъ выводить стану, таково высоко заведу, что... кхы! — радостно засмѣялся онъ.

— „Ты чего?" — окликаетъ его отецъ, замѣтно выпившій и сидѣвшій со сватомъ за бутылкой водки,— „чего ты зубы скалишь?"

— „Ничего", — лѣниво отвѣчаетъ мальчикъ и упрятываетъ голову подъ тулупъ.

Его начинаетъ клонить ко сну.

— А може до дьякона дослужусь! — озаряетъ его счастливая мысль. Ловко, изъ мужика, да въ дьяконы... будутъ звать отецъ дьяконъ... А не дался я Мишкѣ-то, какъ онъ меня съ горы хотѣлъ спустить... въ рясѣ... ходишь... прокименъ... На полатяхъ раздался храпъ. Понемногу и въ избѣ затихло; сватъ ушелъ, огонь погасили. Пьяненькій отецъ повалился на полу. Вдругъ, среди общей тишины, послышался громкій, неожиданный возгласъ:

— Прокименъ гласъ седьмый...

— А? что?

— „Кто оретъ?"—испуганно раздалось со всѣхъ угловъ избы.

Кирюшка сидѣлъ на полатяхъ и дико оглядывался въ темнотѣ.

— „А ну тебя, чего орешь?“—сердито буркнула мать.

— Кхы! — тихонько усмѣхнулся Кирюшка и повалился какъ снопъ, подложивши ваточникъ подъ голову.

Е. Баратынская.

